

Андрей Бudyчев

ДРАГУН. НА КAVKAZ!

Андрей Булычев
Драгун, на Кавказ!

«Автор»

2023

Булычев А.

Драгун, на Кавказ! / А. Булычев — «Автор», 2023

Лето 1803 года. Еще совсем недавно Российская империя разгромила в войне Османскую, а генералиссимус Суворов со своими «Чудо богатырями» разбил поляков и прошёл с боями через Альпы. Впереди была война с французами, а затем долгая и изнурительная Кавказская. Именно в это время в сонный уездный городок на Южном Урале из 21 века и попадает самый простой студент Димка. В рекруты его или на каторгу? Выбор у него невелик. А империи всегда нужны солдаты!

© Булычев А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть I. Рекрут	5
Глава 1. Пещера Торатау	5
Глава 2. Вот так попал!	12
Глава 3. Рекрут	21
Глава 4. Уфимское депо	28
Глава 5. Палки	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Булычев

Драгун, на Кавказ!

Часть I. Рекрут

Глава 1. Пещера Торатау

– Димуль, уже двенадцать, ты вставать-то будешь? – Мама откинула край одеяла и положила ладонь на лоб сына. Температуры у парня не было, и она потрясла его за плечо. – Дима, Дима, ну обед ведь уже, а ты всё спишь! Скоро ребята заедут, ты хотя бы рюкзак свой собрал? Диимаа!

– Ну мам, ну ещё немного, ещё часик! Ну каникулы ведь! – пробурчал великовозрастный детина и снова накинуд на голову одеяло.

– Ладно, смотри сам, – сказала со вздохом мать, – Серёжка зайдёт, скажу ему, чтобы без тебя ехали, у тебя ведь и правда каникулы, спать целый день надо, – и вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

– Что, спит твоя дитятка? – проворчал сидящий за столом отец. – Конечно, он ведь опять всю ночь за компьютером просидел, поднимешь его, пожалуй, теперь!

– Ну ладно, ты не заводись, и правда ведь у мальчика каникулы, – махнула рукой мама. – Без него будем обедать.

– «Мальчику» девятнадцать уже через неделю, а у него в голове одни лишь только стрелялки, – буркнул отец. – Думал, вот сын с универа приедет, так хоть на даче мне немного поможет. Ага, конечно, дождёшься от него! Ладно, наливай, – кивнул он на свою тарелку. – Ну что это за поколение такое? Ночами они в компьютере, а днём в телефоне залипают. Ничего не нужно в этой жизни, никакого живого общения!

– Да ладно тебе, зато он по ночам не бродит, как вон некоторые, неизвестно с кем и где, – сказала со вздохом мать. – Вот на природу с ночёвкой выберется, так хоть развеется немного. Впереди два месяца каникул, успеет и тебе ещё помочь.

– Угу, конечно, выберется, – хмыкнул отец, – если с кровати сумеет наше дитятко встать.

– Серёг, дай энергетик, башка трещит, – протянул Димка, глядя с тоской на проносящиеся мимо окон пейзажи. – Вот нужно было в такую рань и в эту духоту ехать. Говорил ведь вам, что к вечеру да по прохладе намного лучше было бы.

– Димон, а может, тебе лучше пива накатить? – спросил сидящий за рулём друг. – Вон, в синей сумке, как раз позади себя бутылку возьми.

– Ребята, ну вы чего?! Какое сейчас пиво?! – вскрикнула расположившаяся на пассажирском сиденье рядом с водителем Наташка. – И так ведь поздно из города выехали, сейчас ещё выскакивать из машины будете! Мы точно тогда на фестиваль не успеем!

– А я бы тоже не отказался от холодного, – хмыкнул сидящий слева от Димки Динарик. – Всё равно ведь считай, что уже на природе.

– Ладно, пацаны, отбой, и правда, десять минут нам ещё осталось пилить, потерпите! – попросил друзей водитель. – Вон уже Карайган справа проезжаем, совсем скоро и поворот на Шихан будет. Вот вместе потом и накатим, а то меня Наташка съест, – и легонько толкнул плечом сидящую рядом подругу.

– Подкаблучник, – фыркнул Димка и чуть приоткрыл окно.

Мимо пронеслись дома и постройки села, зелёные рощи и поляны. Чуть дальше поблёскивала серебром воды река Белая. Девятка свернула на боковую дорогу и направилась в сторону Шихана, к огромной белеющей на фоне леса известняковой горе. Движение тут сегодня было весьма оживлённое, очередной проводимый здесь фестиваль традиционно собирал множество народа из трёх близлежащих городов: Стерлитамака, Ишимбая и Салавата. Вся стоянка перед горой была плотно забита авто.

– Так, тут на боковом съезде нас Марат и должен ждать, – проговорил Серега, сворачивая перед заставленной машинами поляной налево.

– Да вон же его бэха, – кивнула Наташка на белую, стоящую на обочине просёлка машину. – Везёт Регинке, кондёр там влупили на полную, что аж узоры на окнах от мороза. – Не то что тут у тебя, – хлопнула она ладонью по жёсткому пластику панели.

– Ну и шла бы тогда к Регинке, – проворчал Сергей. – Мы бы с пацанами и сами прекрасно тут ехали, никто бы под руку не ныл. Зато прикиньте, как им за нами сейчас несладко плестись, – и он надавил на педаль газа.

Действительно, пыль так и клубилась за девяткой, и бэха, скинув скорость, начала отставать.

– Агаа, жалею папенькину машинку! – обернувшись, воскликнул с азартом Динар. – А ну, Серёга, поддай ещё газу!

– Да вы дебилы! – воскликнула Наташка, ударившись головой о боковую ручку.

Машину ещё пару раз основательно тряхнуло на больших кочках, и водитель, наконец, сбросил скорость.

– Ладно, всё, хватит пока гонок, – пробурчал Сергей. – Сейчас дорога немного вверх пойдёт, дальше нужно ехать аккуратнее.

Не доезжая до поблескивающего впереди озера, машина взяла вправо и поехала по еле видной колее вдоль опушки леса. Затем, поднявшись на небольшую возвышенность, свернула на открывшуюся уютную полянку. Место было не занято, и уже через несколько минут высыпавшая из машин молодежь весело гомонила.

– Да если бы я только захотел, топанул бы, и ты сам бы там за мной пыль глотал! – кричал Марат. – Да мне Регинка с Каткой не дали разогнаться! Пошли вот завтра по прямой?!

– Ладно, ладно, угомонитесь уже, гонщики! – махнула рукой Наташка. – Долго вы ещё тут орать собираетесь?! Там фестиваль уже скоро закончится, и так ведь с выездом затянули. У кого какие предложения будут?

– Какой ещё фестиваль?! Нужно лагерь сначала разбить! – воскликнул возмущённо Пашка. – Палатки не поставили, ничего из машин не выложили, дров вообще у нас нет. Вы чего это, ночью с фонариками собираетесь сухостой по лесу выискивать?!

– Ну вот и оставайся тогда тут сам лагерь готовить, а мы с девчонками на фестиваль пойдём, – заявила Наташка. – Я, вообще-то, не нанималась тут готовить! Девчонки, пойдёмте? Кто хочет, тот пусть к нам присоединяется. – И сняв курточку, завязала её вокруг талии.

– Я, пожалуй, тоже с вами пойду, куда же вы без охраны? – оглядев стройную фигуру своей подруги, задумчиво протянул Серёга. – Пацаны, кто ещё с нами на фестиваль идёт?

– Я, я пойду! – воскликнули с готовностью Динар и Илья.

– А ты чего здесь остался? – спросил Димку Павел. – Ладно, про Серёгу с Наташкой и так всё ясно, Регинка с Маратом тоже вон мутят, а Катка вроде бы как ни с кем. Видал, как Динарик вокруг неё увивается? Вот увидишь, ночью они тебя из палатки выгонят, и будешь ты со мной и Ильёхой возле костра на коврике спать.

– Нифига подобного! – покрутил головой Димка. – Моя палатка, и я в ней сам спать буду! Пусть даже и не мылятся! Поможешь мне её разложить?

– Ну давай, – пожал плечами Паша. – А потом за дровами двинем. На шашлык-то мы с собой угля взяли, а вот для костра по-любому много сушняка нужно натащить. Всё равно ведь полночи будем у огня болтать.

Сухое деревце в лесу цеплялось за каждый ствол и куст, Димка вытащил его на просёлок, положил на плечо и пошёл в сторону лагеря. Вдруг позади раздался топот, он еле успел отпрыгнуть в сторону, в самую крапиву, и мимо проскакало два всадника на конях.

– Ээх! – загорелый до черноты паренёк лихо сбил нагайкой ветку прямо над Димкой и проскакал мимо.

– Осторожнее тут! – выкрикнул тот ему вслед и зашипел, расчёсывая обожженный крапивой локоть.

На поляне к его возвращению уже горел костерок, а на поперечной жердине висели котелок и чайник. Пашка с треском ломал принесённые ранее дрова и складывал их в одну кучу.

– Местные, деревенские на конях по просёлку скакали, – рассказывал ему Димка. – И как только они ездить не боятся, там же ветки, кочки, упадёшь с лошади, костей ведь не соберёшь. Нее, я бы ни за что, ни за какие бы деньги в седло не сел. Надо больно!

Возвращавшихся друзей расслышали издали. Толпа, поднимаясь по тропинке, громко кричала и смеялась, как видно, обсуждая какие-то случившиеся с ними весёлые моменты.

– Эй, я не поняла, а почему ещё шашлыка нет? – капризно надув губы, протянула Регина. – Вы чем тут вдвоём занимались всё это время, а?

– Прикинь, занимались! – возмущённо воскликнул Пашка. – Пока ещё совсем не стемнело, и вы можете по разу в лес за дровами сходить! Мы вон как тут с Димкой потрудились, – кивнул он на приличную кучу валежника. – А костровище видали? Вокруг него брёвна положили, чтобы сидеть можно было, полог постелили. Давай-ка и вы тоже потрудитесь немного!

– Ладно, ладно, ребята, молодцы! – воскликнула Катерина. – Мы же шутим! Вот зря вы с нами на фестиваль не пошли, там вообще так весело было, песни, пляски, какие-то конкурсы. Динарик из лука на призы стрелял, так чуть было случайно в какую-то бабульку не попал! А Серёга рядом с лошастью проходил, погладить её решил, а она вдруг к нему мордой потянулась. Так он прямо с места, метра на три, как большой кузнечик, отпрыгнул!

– Ага, кузнечик! А вы сами-то её зубы видели? – воскликнул тот. – Вот такенные они, как у крокодила!

И вся пришедшая с фестиваля толпа опять громко, в голос рассмеялась.

– Да ладно, нам так-то здесь тоже неплохо было, – отмахнулся Пашка. – Мы тут с Димкой хоть лагерь в порядок привели. Ладно, чего уж там, этих дров нам точно на всю ночь теперь хватит, – оглядел он заготовленный сушняк. – Вы это, давайте-ка сумки, что ли, пока разбейте, столик походный-то мы уже заранее разложили. Так что можно его уже накрывать. А мы с ребятами за шашлык возьмёмся, это дело сугубо мужское. Девчонкам на природе мясо вообще нельзя доверять, пускай они лучше салаты строгают.

– Да больно нам ваше мясо надо! – отмахнулась Наташка. – Серёж, помоги мне сумки из багажника достать.

– А я давай тебе, Катюш, помогу, – Динарик пристроился на ходу к девушке и игриво толкнул её плечом.

– Во, Димон, смотри, я же ведь не зря сказал, что тебе сегодня у костра придётся спать, – хмыкнул Пашка, доставая из кустов канистру. – Давай-ка на руки мне полей, а потом я тебе. Вон, понемногу уже темнеть начинает, пора бы и мясо начать жарить, пока ещё хорошо видно. Потом ведь, в темноте за ним не усмотрим, поджарить будет.

На тихой поляне с приходом толпы всё пришло в движение, слышались весёлые крики, шутки и смех.

Марат принёс из бэхи дорогой вискарь и походный набор с маленькими стаканчиками внутри.

– Огоо, ничего себе, какой холодный пузырь! – воскликнул Серега, погладив запотевшую бутылку. – Девчонки, а давайте по маленькой пока, за природу, чтобы дальше ещё веселее было!

– Да нам и так не скучно! – рассмеялись те, но стопочки с разлитым в них горячительным взяли.

– Эгеей! За природу!

И все разом чокнулись.

– Ну вот у нас препод в БГУ на кафедре есть, он как бы совсем повёрнутый на местной истории, – рассказывала Катерина, глядя на огонь костра. – Вечно нам про историю края задвигает, про полки эти башкирские, которые с Наполеоном в восемьсот двенадцатом воевали. Про губернии, уезды и волости. Так-то интересно даже иной раз бывает его послушать. Узнал он, что мы с Регинкой со Стерлитамака, ну и полпары про его окрестности всем «чесал». Кстати, и про это место, где мы сейчас с вами сидим, он тоже как-то рассказывал. Короче, это про то, что раньше, в глубокой древности, тут был тёплый океан, а эти горы, как он говорит, они вообще образовались из кораллов и всяких там морских ракушек. Потом, через миллионы лет океан отступил, и тут осталось четыре горы, типа огромных рифов. Вот эта, – кивнула она себе за спину, – самая большая из всех, она Торатау называется. А одной сейчас и вообще даже нет, её содовый Стерлитамакский комбинат всю полностью до малого камешка переработал, так что теперь только лишь три горы осталось. Ну вот на этой, на Торатау, ещё в древности люди всякие там обряды устраивали, солнцу и огню поклонялись, свадьбы там играли, союзы между племенами заключали. В общем, гора эта была как бы священная для всех тех, кто здесь поблизости раньше жил. И когда содовый комбинат её захотел забрать под разработку, это тоже сыграло свою роль, чтобы Торатау отстоять. Тут кроме историков ещё и ботаники со всего мира подключились, напомнили, что, дескать, только вот на ней одной какие-то сверхредкие растения произрастают, которых вообще даже больше нигде в мире нет.

– Катька, да хватит тебе о ботаниках! – толкнула подругу Регинка. – Ну вот кому это сейчас здесь интересно? Ты им лучше про пещеру расскажи.

– Ого, там ещё и пещера, что ли, есть? – удивлённо воскликнул Марат. – Я раза три точно на вершине был, всё там облазил. Нет там никаких пещер, одни сплошные известняковые скалы!

– Может, и нет, – пожала плечами Катька. – Только вот препод рассказывал, что была там когда-то давным-давно пещера. И история про неё одна есть, она в виде легенды до нас дошла. Якобы ещё при Иване Грозном ногайский хан, который воевал против русского царя, спрятал в этой самой пещере свою любимую дочь Айгуль, красавицу, и с ней же ещё несметные сокровища оставил. Пещера та очень глубокая, и уходит она в самые недра горы. И там, в этих вот недрах, якобы есть большой белый камень и голубое бездонное озеро. Вот сидит там, на этом самом камне посередине озера ногайская принцесса и тоскует от одиночества. А когда она плачет, её слёзы стекают по щекам и каплют прямо в озеро. И как только она начинает заливаться слезами посильнее, тогда даже и то озеро, до которого мы с вами немного не доехали, ну во-он которое, за горой, оно тоже начинает наполняться водой и выходить из берегов.

– Каких только басен ни придумают, – усмехнулся Димка. – Да если бы тут пещера была, её бы давно уже нашли, тем более ради сокровищ! Тут вон после войны, говорят, лагерь был, эки кирками валуны долбили и известняк добывали, а динамитом скалы подрывали. Всяко нашли бы они здесь пещеру, если бы она действительно только была.

– Это точно, был здесь лагерь, – подтвердил Марат. – Сюда самых таких характерных эков со стройки Салаватского хим. комбината отправляли на перевоспитание. До сих пор ещё с южной стороны горы несколько вросших в землю каменных бараков видать. Говорят, что

сюда путь в один конец был, мало кто из этого лагеря на большую стройку обратно возвращался. Все они в основном где-то вот тут в земле и лежат.

– Ужас! Народ, ну хватит вам уже такие страшилки ночью рассказывать! – передёрнула плечами Наташка. – А вы заметили, что прохладнее стало, как будто бы тучки на небе появились?

– Да ладно, палатка и две машины есть, если вдруг даже ливанёт, то найдём куда спрятаться, – успокоил подругу Серёга. – Марат, есть у нас ещё что-нибудь крепкое там для согрева? А то вон девчонки начинают мёрзнуть.

– Найдём, – ответил тот с усмешкой. – Что, не в кайф вам уже ваше пиво? Готовьте посуду, я сейчас.

Динар подбросил в костёр дров и присел на бревно рядом с Димкой.

– Скучная у тебя работа будет, братан, – чуть заплетающимся языком проговорил он. – То ли дело вот мы с Маратом, скоро нефтяной закончим, годик-другой на буровой отгараба-ним, а потом в управу пристроимся и бригады будем гонять. И деньги на нефтяных промыслах хорошие платят, и среди людей крутишься, командуешь. Правильно себя поставим, характер покажем, так и уважать станут. А у тебя что, в этой твоей финашке? Ну, выйдешь ты оттуда бизнес-программистом, будешь всю свою жизнь за компом чахнуть и 1С-ку бухгалтерам переустанавливать. Скучно, Дима! Все айтишники вот с такими линзами, – покрутил он пальцами возле глаз. – На башке грива и характера совсем нет, так себе, не мужики, а размазня. Учти, братан, девки таких слабаков не любят!

– Динар, ну чего вот ты к человеку прицепился? – одёрнул хорошо поддатого товарища Пашка. – Каждый сам выбирает свой путь. Иди уже в палатку, что ли, а если вдруг не хочешь, так туда Димка сам пойдёт!

– Не, не, не! – замахал тот руками. – Я пошёл, меня там ждут! – И он дурашливо приложил указательный палец к губам. – Только тссс! Ладно, извини, братан, без обид, я же от души, – и он вальяжно похлопал Димку по плечу. – Айтишники, они ведь тоже нужны, кто-то же должен на клавиши нажимать, пока другие рулят!

Где-то вдали на тёмном небосводе сверкали молнии. Поднявшийся ветерок раздул пламя костерка, слегка осветившего весь лагерь. На душе у Димки было погано.

Чего он вообще добился в этой жизни? Да ничего! Секцию самбо, куда его привёл за руку отец, бросил в десятом классе, так и не дойдя до КМСа, в отличие, вон, от того же Серёги. В Уфимский финансовый университет его засунули родители на платной основе, своим умом он бы туда фигушки пробился. Сняли квартиру вскладчину на пару с Пашкой, лишь бы в общежитии на всякую дурь не смотреть. Тот вон на доставке еды умудряется подрабатывать, а он после дождливой недели сразу работу бросил, потому что тяжело и сильный насморк подхватил.

– Тьфу ты! – плюнул он на землю. Даже и подруги у него до сих пор нет! Ну какой же девчонке понравится такая вот размазня?! Правильно всё про него Динарик сказал!

– Паш, я пойду прогуляюсь! – отрывисто бросил он сидящему возле костра другу. – Не волнуйся, если что, мне надо.

– Куда это ты?! – удивился тот. – Вон, спать, как Ильюха, на коврик ложись, выпил же хорошо! Чего ещё выдумал по ночам бродить?!

– Да нормально всё, – тряхнул Димка головой, – мутит меня немного. Прогуляюсь. Если что, фонарик на сотовом есть.

– А, ну если мутит, тогда, конечно, тогда пройдишь, – пожав плечами, ответил Пашка. – Только ты это, недолго там гуляй, а то я спать уже укладываюсь. Вон, твой коврик с одеялом у тех кустов лежит, подвинешь его, как тебе самому надо, к костру.

Полоска света, бьющая из фонаря сотового телефона, освещала грунтовую дорогу. Вот уже более получаса шлёпал по ней Димка, огибая левым плечом огромную гору. С каждой сотней шагов на душе у него становилось легче.

«Ну и пусть его считают размазнёй и слабаком, а им-то самим слабо вот так вот глухой ночью в одиночку подняться на гору?! – была в голове шальная мысль. – Тоже мне, блин, герои, мужики!»

Миновав скалистый участок, он начал подниматься наверх с более пологой восточной стороны шихана. Тут была хорошо набитая тропа, указывающая, что люди на этом склоне ходили довольно часто. Но вот подниматься здесь ночью – это было ещё то занятие! Несколько раз уставший и основательно перепачкавшийся в земле Димка хотел уже было плюнуть и прекратить этот глупый ночной подъём, но какая-то внутренняя злость и обида на самого себя гнали его всё выше. Немного отдышавшись, он снова подсвечивал своим сотовым тропу и продолжал карабкаться наверх. Порыв ветра на вершине чуть было не сбил его с ног. Он прогулялся по большой, плоской, с половину футбольного поля площадке и присел на скалистом уступе. Вдали сверкали огнями три города, на горизонте били в небо огненные факелы Салаватского хим. комбината, а с левой стороны простирался огромный лесной массив. Звёзд и луны на небе не было видно, оно всё было затянуто чёрными тучами, и на Димку упала первая капля дождя.

– Блин, сейчас вот как ливанёт, и ведь по тропе даже не спустишься, – пробормотал он с досадой. – Поскользнёшься и вниз покатишься, потом ведь точно в грязи по уши перепачкаешься. Вот смеху-то у всех будет!

Представив эту глупую картину, Димка совершенно спонтанно принял решение спуститься немного в расщелину, которых тут среди скал было множество. Глядишь, и найдётся там какой-нибудь карниз с навесом, лишь бы прикрывал сверху. Вот и можно будет переждать там непогоду.

Дождь начал идти сильнее, блеснул яркий росчерк молнии, и по ушам ударил оглушительный раскат грома. Перебираясь по крупным камням, Димка спустился ниже одного-другого валуна и упёрся стопой в третий. Булыжник под ним зашатался, и он еле успел перенести тяжесть тела на соседний. Ударил новый раскат грома, заглушивший собой шум камнепада. Перед ним после обвала открылась в скале небольшая ниша. Димка осторожно сполз с соседнего камня и втиснул в неё тело. Не пещера, конечно, но от дождя она его всё же немного прикрывала. Капли, падающие сверху, перешли в тугой водяной поток, и холодные брызги били по телу. Он непроизвольно вжался в заднюю, казавшуюся монолитной стенку, и она вдруг от этого давления слегка пошатнулась.

– Ого! – воскликнул путешественник. – Да тут, похоже, ещё есть немного свободного места!

Осветив стену, он надавил на неё раз-другой плечом, и часть её, зашатавшись, вдруг рухнула вовнутрь, открыв чёрный глубокий проём.

– Вот это да, пещера, что ли?! – пробормотал в сомнении Димка, подсвечивая своим «сотиком» широкий лаз. Прямо как Катка рассказывала – и внизу его ждёт грустная, но очень красивая принцесса, которой целых пять сотен лет.

Почему-то от этой мысли ему стало очень смешно. Он, фыркнув, отбросил все сомнения и полез в этот тёмный лаз. Сзади затих шум дождя и грохот грома, уклон пошёл круче вниз, и лаз начал понемногу расширяться. Через пару минут Димка уже смог встать с четверенек на ноги и шёл теперь, слегка согнувшись. Даже с фонарём он умудрился несколько раз хорошенько приложиться головой о камни и сбить себе все ноги, а что было бы сейчас без него? Пару раз ход пещеры сильно сужался от завалов, и ему приходилось протискиваться вперёд лёжа. Всё тело у него уже болело, ныли сбитые конечности, грудь и спина, но Димку охватил какой-то азарт первооткрывателя, тот, который гонит вперёд даже вымотанного до самой крайности путешественника. Он потерял чувство времени, и спроси его вдруг кто сейчас, сколько он тут находится, уверенно ответить на этот вопрос уже точно бы не сумел. Наконец, за очередным завалом проход расширился, и он смог-таки полностью выпрямиться. Перед ним

открылся приличных размеров пещерный зал. Сверху свисали, словно гигантские сосульки, подтёки известняка, и в самом центре блестело голубоватым светом озеро.

– Ох, ё-моё! – воскликнул Димка, подсвечивая фонариком перед собой. – Озеро, а в воде несколько огромных валунов! Вот тебе и сказки! Не хватало ещё скелеты тут увидеть и сундуки, набитые золотом!

На душе стало немного тревожно, и он осмотрелся вокруг. Никаких следов присутствия человека здесь не было, и Дмитрий решил пройти к самому большому камню, выступающему из воды, и по очертаниям похожему на огромную черепаху. Перескочив с одного на другой валун, он был уже в трёх шагах от «черепахи». Чтобы не попасть в озеро, нужно было совершить хороший, большой прыжок, и, собравшись, Димка резко оттолкнулся от того камня, на котором сейчас стоял. В это самое время разряд мощнейшей молнии ударил прямо в самую макушку горы, и она, словно огненная река по своему руслу, устремилась в её недра. Димка летел навстречу переливающейся ярким светом огромной линзе, стоящей вертикально, словно в какое-то чудное, огненное зеркало над плоским камнем.

«Это конец!» – мелькнула в голове паническая мысль. Что-то щелкнуло, и он потерял сознание.

Глава 2. Вот так попал!

Очнулся Димка от боли. Все его мышцы и суставы ломило и словно выворачивало. Было холодно, сыро и темно. Пошарив по камню рукой, он наткнулся на срез воды и, подтянув к нему тело, опустил в озеро голову. Омыв лицо и напившись, начал шарить вокруг в поисках своего фонарика, но того нигде не было.

– Да что ж ты будешь делать! – воскликнул Димка в отчаянии. – Ну и как мне теперь в темноте вообще выбираться отсюда?!

Гулкое эхо разнесло его слова по сводам зала. Ещё раз обползав на корячках весь этот большой плоский камень, Дмитрий лёг на бок и свернулся калачиком. Его сильно знобило, тело била дрожь, а холод пробирал до самых костей.

«Хоть ты сдохни тут, хоть волком вой, всё равно меня никто и никогда здесь не найдёт! – пронеслось в голове. – Или, может, через пару сотен лет какой-нибудь похожий на меня идиот наткнётся на кости».

Отсюда нужно было как-то выбираться. Лежать и дальше на этом холодном камне никакого смысла не было. Стиснув зубы, Димка сполз в ледяную воду и, оттолкнувшись, погрёб руками. Дна под ногами не было, и он с ужасом подумал, что будет, если его мышцы вдруг прямо сейчас скрутит судорога. Левая рука ударила о камень. Ухватившись за него, Димка несколько раз шумно выдохнул и потом, опять резко оттолкнувшись, поплыл дальше. Медлить было нельзя, силы были на исходе, и он прекрасно понимал, что если очень скоро не сумеет выбраться из этого озера, то останется в нём навсегда. Гребя перед собой, вскоре наткнулся ещё на один камень, о который больно ударился плечом, затем ещё на один и ещё, и вот, наконец-то, его ноги достали до дна. Медленно, с натугой, оббивая колени и руки, парень выбрался на берег и распластался на нём без сил. Всё его тело не прекращала бить крупная, лихорадочная дрожь. Он встал на разбитые колени и, вскрикивая от боли, пополз по берегу, лихорадочно шаря рукой по камням.

Как же теперь, в этой глухой, как омут, темени ему найти пещерный проход?! Безумно долго продолжались эти бесплодные поиски, пока он совсем не вымотался и не сел верхом на тот камень, о который только что преболно ударился башкой.

На Димку накатило глухое отчаянье.

– Тихо, тихо, соберись, тряпка! – проговорил он еле слышно и клацая зубами. – Ну же! Ну!

Словно чьё-то лёгкое дыхание коснулось его головы. Сквозняк! Откуда-то справа шёл слабый, еле уловимый поток воздуха. Значит, там и должен был находиться выход наружу. Димка привстал с камня и, словно собака-ищейка, приподняв вверх голову, пополз навстречу этому слабому дуновению.

Бесконечно долго продолжалось его восхождение наверх. На ощупь, по самой малой пяди он пробирался по камням, обдирая о них одежду и кожу. Наконец вдали мелькнула полоска света.

Ура! Он доходит! Ему осталось совсем немного!

Щёку резануло резкой болью. Острый край камня, выступающего со стены пещеры, глубоко разорвал кожу. Кровь и пот стекали обильно вниз. Но это уже было нестрашно, ведь впереди светился выход!

Странно, когда он сюда пролазил, проём был гораздо больше, сейчас же в него с трудом протискивалась лишь одна его голова. Видно, за время пребывания в недрах горы здесь случился обвал, и, чтобы теперь вылезти из пещеры наружу, пришлось хорошо потрудиться, оттаскивая камни вглубь. Наконец, завал удалось немного расчистить, и Димка сумел протиснуться в открывшуюся широкую щель. Хватая полной грудью воздух, он шурился от ярких,

режущих лучей солнца. Отвыкшие от света глаза у парня слезились, а голова ужасно кружилась. Сил идти дальше уже не было, и он так и продолжал сидеть на скальном карнизе, откинувшись в изнеможении назад. Может быть, стоило дожидаться помощи прямо здесь? Ведь его должны были непременно искать. Но Дмитрий всё же нашёл в себе силы подняться и потихоньку, не спеша полез по скальным камням наверх. Вот, наконец, и вершина. Стоя на ней, горемыка огляделся вокруг и замер в изумлении. Перед ним не было того привычного пейзажа, как раньше, с дымящими трубами и огненными факелами комбинатов, с городскими и сельскими постройками, линиями электропередач и дорогами. Да и вообще, той привычной, шоссейной, асфальтовой дороги, идущей вдоль реки Белая, с вечно снующими по ней машинами здесь тоже не было! Из всех дорог виднелась лишь пара узких грунтовых просёлков, идущих через лес.

Не веря своим глазам, Димка обернулся, осматривая все стороны горизонта. Всё вокруг было не так!

– Раз, два, три горы! – считал он пересохшими губами виднеющиеся вдали белые шиханы. – А я сейчас, получается, на четвёртой стою! Да как же так?! Откуда тут вообще взялась четвертая гора, когда её уже лет тридцать назад под самое основание срыли?! А может, это у меня в голове всё перемешалось? – тукала в мозг мысль. – Сильное сотрясение? «Глюки»? Надышался чего-то около этого озера в глубине пещеры? Или я вообще уже схожу с ума?! В любом случае нужно что-то делать, ну не стоять же тут на одном месте, словно какой-то болван?

И он отправился к тому восточному, более пологому склону, по которому ранее поднимался.

Спустившись вниз, Димка наткнулся на тропинку и похромал уже далее по ней. Вскоре она вывела его к грунтовой, просёлочной дороге, и он пошёл дальше, оставив за спиной гору. Стерлитамак, его родной город, был предположительно как раз в той стороне, куда тянулся этот просёлок, и он топал по нему всё уверенней.

– Если тут есть дорога, значит, должны быть и те, кто по ней ездят, – мелькнула в голове вполне себе разумная мысль. – Попрошу у кого-нибудь помощи, небось, уж не откажут, глядишь, от них и прояснится, что тут вообще такое происходит.

Солнце стояло в зените и нещадно пекло. Движения по дороге никакого не было, и несколько раз ему пришлось садиться на обочине, чтобы передохнуть. Отмахиваясь сорванной веткой от вьющихся над головой насекомых, Дмитрий услышал топот, и из-за поворота показался всадник, сидящий верхом на тёмно-коричневой лошади. На длинной, натянутой верёвке за ним скакали ещё две такой же масти, как и передняя. Всадник сбавил скорость и, оглядывая с большим удивлением сидящего на земле горемыку, подъехал к нему ближе.

– Приветствую! – махнул ему рукой Димка, поднимаясь на ноги. – Что это за место, скажите мне, пожалуйста? Стерлитамак, я надеюсь, в той стороне? Я вообще правильно к нему иду?

– Һаумы! Кем һин, һинен менән нимә булды? (– Здравствуй! Кто ты такой и что с тобой случилось? – башк.) воскликнул тот.

– Извини, я не очень-то понимаю по башкирски, – пожал плечами Димка. – Стерлитамак там? Туда к нему нужно идти?

– Аа, Стерлитамаэк, Стерлитамаэк, айее, тама, тама, – закивал головой башкир. – Мало-мало туда ходить, – и он спрыгнул с лошади на землю.

Перед Димкой стоял одетый в странную одежду человек совершенно неопределённого возраста. На теле надето что-то типа вылинявшего халата или старого, из грубой материи, подпоясанного ремешком кафтана. На голове войлочная шапка, из-под которой выбиваются жирные, чёрные волосы. Загорелое до черноты лицо, шея и руки. На ногах обувь из перехваченной ремешком и намотанной вокруг стоп и голеней грубой кожи. Пахло от всадника лоша-

диным потом и чем-то таким прогорклым, кислым. Башкир шагнул ближе и дёрнул за рукав разодранной в клочья джинсовки.

– Ай-я-яй! – покачал он головой, разглядывая рванину и зияющие под ней ссадины. – Мин Азат, – хлопнул он себя по груди. – Ёинең исемен кем? (– Как тебя зовут? – башк.) – ткнул он пальцем в Димку.

– Аа, ясно, ты Азат, – понял его парень. – Ну а меня Димкой, Дмитрием зовут. Да мы тут с ребятами отдыхали на Шихане, а я потом ночью на гору поднялся и в пещере вот так весь ободрался, – рассказывал он, сильно жестикулируя.

– Аңламайым, (– Не понимаю, – башк.) – сморщился Азат. – Димкóй, ходи, ходи Стерлитэмээк, да?

– Да, да, я в Стерлитамак шёл! – энергично затряс головой пареньёк. – Там мой папа, мама и мой дом. Я там, в городе, живу.

– Стерлитэмээк дом, аа? – протянул понимающе башкир и потрогал одну оставшуюся на кармане изодранной куртки пуговицу-кнопку. – Бир менэ, – зацокал он языком.

– Да, пожалуйста, жалко мне, что ли, – протянул Димка с улыбкой и, вырвав её с корнем, протянул Азату.

– Ярар, дуһкай! (– Хорошо друг! – башк.) – засмеялся тот и, положив на ладонь кругляш, с интересом погладил пальцами по выпуклым буквам. – Ходи, ходи, – поманил он за собой русского и, подойдя к одной из лошадей, что-то бормоча, похлопал её по спине.

– Я на лошади?! – с удивлением протянул Димка. – Да я на ней и ездить-то вообще даже не умею! Да у меня не получится!

Но Азат всё продолжал настойчиво его подзывать к животине. Наконец он решился и попробовал на неё забраться.

Всё было тщетно! Он просто не понимал, как это вообще можно было сделать. Несколько раз свалившись с лошади и сильно ударившись, он с досадой покачал головой. Даже на стоячей и то ему невозможно было удержаться, а что же с ним будет, когда она пойдёт хотя бы шагом? Нет, лошадь – это явно не его средство передвижения!

Взиравший с большим удивлением на всё творимое перед ним безобразие, Азат что-то негромко пробормотал и вскочил в седло.

– Айда, айда, – поманил он к себе этого странного русского парня.

Через несколько минут процессия из лошади с двумя седоками, один из которых судорожно вцепился во впереди сидящего, и двух заводных, наконец-то, проследовала по дороге.

Этот путь не был лёгким для всех. Димка несколько раз умудрился сверзиться, и Азат, наверное, совершенно искренне проклинал ту минуту, когда решился помочь этому дурному русскому. Но делать было нечего, ведь он привык доводить любое дело до конца.

Конец пути наступил через пару часов. За это время Димка приобрёл несколько дополнительных синяков и отбил себе всё седалище, а его благодетель окончательно уверился, что его попутчик – ахмак, то есть дурной и совершенно бестолковый человек.

Дорога стала более наезженная и, наконец, свернула к реке. На берегу, около небольшого бревенчатого паром сидело трое мужиков, одетых словно бы в фильме про глубокую старину. На ногах у них виднелись лапти, на теле была серая и грубая одежда в виде каких-то простейших портков и свободных, навывпуск рубаш. У двоих вокруг пояса затянута простая верёвка, а у одного, как видно, старшего, ремешок из грубой кожи.

Пока Димка с кряхтением и стонами слезил с лошади, Азат быстро выскочил из седла и подошёл к тому паромщику, что был подпоясан ремешком. Переговорив с ним на дикой помеси башкирских и русских слов и сунув ему в руку пару серебряных монет, он повёл свою первую лошадь к сходням.

– Это кто же тебя, мил человек, так-то уделал? – сочувственно глядя на Димку, проговорил старший паромщик. – Лихие люди обидели али, может, зверь какой?

– Да я на горе был, на Шихане, – пролепетал, озираясь по сторонам, парень. – Ну вот и побился там о камни немного. А это что, Стерлитамак? – кивнул он в сторону виднеющихся на противоположном берегу построек.

– А то как же, он самый и есть, – сказал с улыбкой мужик. – Что-то не признаю я тебя никак, паря. Ты сам-то из каких же будешь, а? Городок наш небольшой, все люди в нём на виду, али, может, с деревни? Да вроде как непохож ты на деревенского, – окинул он цепким взглядом фигуру собеседника.

В голове у Димки всё перемешалось, события предыдущего дня, четыре горы, эти ряженые мужики, вместо нормальной асфальтовой дороги и машин какие-то просёлки с лошадьми. «Опять же, где этот мост через реку и дымящий трубами Стерлитамакский содовый комбинат?» – мелькнула у него мысль. Всё вокруг было не то, всё было как-то странно, и все вопросы в голове у него были пока без ответов.

Что же вообще тут такое происходит?! Что это за бред?! Такое чувство, как будто я провалился в прошлое!

– Ну так и чей же ты? – повторил свой вопрос мужик уже более строгим голосом. – Ежели вдруг беглый, так ты, паря, сразу это и скажи, нам тут с властями нелады не надобны. И покрывать мы тебя не будем. За это и сам, небось, знаешь, битьё кнутами и каторга полагаются, а у нас в избах у каждого вон семеро по лавкам сидят.

– Да заблудился я, – немного собравшись с мыслями, ответил Димка. – Головой сильно поударялся и сам теперь ничего не помню. Знаю только, что меня Димкой зовут, вот вроде и всё.

– Разума, что ли, лишился? – с сомнением покачал головой мужик. – Ну, на юродивого ты вроде как непохож, видали мы их. Хотя, ежели и правда башку о камни отбил, так всякое с того может быть. Вона, о прошлом годе Архипка в кабаке в ухо получил, так целую седмицу он потом не в себе был, как дурной ходил, всё трясся и ничего не помнил. Ну, истинно дурень дурнем. Опосля-то, он, конечно, отошел, но это уже дохтуру Порфирию Семёновичу спасибо али, может, травнице Ефросинье. Поправили они его, а то так бы и блажил, такому ведь только и стоять возле церкви, побираться. Спаси господи! – и, повернувшись к реке, на противоположном берегу которой виднелся крест церквушки, размашисто перекрестился. – А ты сам, случаем, не нехристь? – покосился он на Димку. – Али, может, из этих, которые латинянской веры, ну, из бунтарей, которых из польских земель за Урал на каторгу гонят? А ну-ка, паря, перекрестись и крест свой покажи!

Димка вздохнул и, перекрестившись, достал с шеи свой нательный крестик.

– Гляди-ка, серебряный, – уважительно пробормотал мужик. – Мы то все тут с медными ходим. Можя, ты из купеческого сословия сам али и вообще даже из господ? Я же смотрю, как-то не так, не эдак ты разговариваешь, ну не как весь обычный и простой люд. Вроде и по-нашему, и вроде как отличный у тебя говор.

– Не помню я ничего, – пожал плечами парень. – А год-то сейчас, дядя, какой?

– Оо, – протянул собеседник, – ну и точно оглашенный. Одна тысяча осемьсот второй от Рождества Христова уже. Первое июля у нас нонче. Считай, что самая макушка лета. Ладно, хватит лясы точить, пора переправляться, набрали уже вес, – кивнул он на паром. – Ступай вон по сходням, плату я с тебя за переправу брать не буду.

Азат, пока длилась эта беседа, уже успел завести на паром всех своих лошадей и теперь накрепко их привязывал к массивным боковым перилам из жердей. К берегу подошли ещё двое босых мужиков со связками ивовых корзин и охапками прутьев.

Ошарашенный Димка молча стоял на бревенчатом помосте. Паром, чуть покачиваясь, потихоньку шёл вдоль натянутого между берегов толстого каната.

«Одна тысяча осемьсот второй год, одна тысяча осемьсот второй! – тукали в мозгу слова паромщика. – Как же так?! Не может этого быть! – кричало сознание человека из два-

дцать первого века. – А почему бы и нет? – царапала другая мысль. – Вот тебе и разгадка всех тех странностей, что он тут наблюдал. Никаким розыгрышем это объяснить было попросту невозможно. Ладно, пусть даже люди, их костюмы, говор, но вот река, горы, вся окружающая его сейчас местность, это как?! Попробуй создать такие вот декорации! Нет, он точно попал! Всё правильно ему сказал мужик. Это действительно начало девятнадцатого века! И как же теперь ему со всем этим прикажите дальше жить?!»

Паром причалил к небольшой пристани. Вскочившие на её брёвна мужики привязали его крепко верёвками, и на берег вышли те пассажиры, у которых с собой были корзины. Азат развязал своих лошадей и по одной свёл их по сходням.

– Эгеей, Димеей! – помахал он рукой парню и вскочил в седло.

– На базар поехал, – поглядев из-под ладони вслед всаднику, сказал паромщик. – Хороших лошадок Азатка из Канака сегодня пригнал. Нонче-то конь шибко в цене, уж сторгуется, небось, не продешевит. Ну а ты чего сам-то теперь стоишь, иди давай, – кивнул он на берег. – По городу пойдёшь, так по сторонам осматривайся. Глядишь, может, чего и припомнится там, ну а коли уж нет, так в управу ступай. Там люди шибко грамотные есть, чай, уж придумают, как с тобой правильно поступить.

Димка топал по пыльным, грязным улицам города. За покосившимися заборами виднелись невзрачные серые бревенчатые домишки. Никакого тротуара или мостовой здесь и в помине даже сейчас не было. Несколько раз уже хозяйки на его глазах выходили из калиток и выплёскивали содержимое своих вёдер прямо на дорогу. Запах в жару стоял ещё тот!

Ближе к центру города заборы стали чуть прямее, а строения за ними выше, да и сама улица прилично эдак расширилась. Попадавшиеся навстречу прохожие останавливались и с удивлением, молча, а кое-кто даже и с открытым ртом, взирали на ковыляющего парня.

– Я извиняюсь, вы не подскажете, где у вас тут полиция или, может, администрация хоть какая-нибудь? – спросил Димка у двух одетых лучше всех прочих встречных женщин.

Те резко метнулись на противоположный край дороги и побежали от него прочь.

На перекрёстке двух улиц, на обочине стояла небольшая, сколоченная из досок будка, раскрашенная полосами в чёрно-белую косую «ёлочку». Тут же на чурбачке, прислонившись к ней спиной, сидел в сером сермяжном мундире с красным воротником пожилой дядька. Рядом с ним стояла палка с насаженным на конце широким топориком, чем-то сильно напоминающая видимую когда-то на картинках старинную алебарду.

«Ну вот, хоть какая-то власть, глядишь, и помогут», – подумал Димка и направился напрямиком к будке.

– Уважаемый! – негромко кашлянув, тронул он дядьку за плечо.

– Стоять! Куда?! Смирнаа! – прокричал тот, вскакивая с чурбака, и круглыми, ошалевшими спросонья глазами уставился на стоящего перед ним оборванца. – Кто таков?! – прорычал он грозно и схватился за алебарду. – А ну, отвечать!

– Да я это, я заблудился, – пробормотал слегка опешивший от такого напора Дмитрий. – Я на горе был, ну и побился там, вот не помню теперь ничего. Подскажите, а где мне кого-нибудь из старших найти?

– Какая гора?! Откуда ты сам таков?! Чьих будешь?! – так и сыпались вопросы от грозного служебного.

– Да на Шихане я был, говорю же вам! – повысил голос Димка. – А вот остальное ничего не помню, ну сказал ведь уже – головой о камни ударился! Ладно, если помочь мне не можете, то пойду я.

– Куды?! Стоять! – рявкнул будочник и ухватил Димку за локоть.

Тот резко дернулся, попытавшись вырваться, но не тут-то было. Дядька с удивительным для него проворством толкнул парня в сторону, и тот, споткнувшись о подставленную ему

ногу, упал на землю. Пара-тройка секунд, и его заведённые назад руки уже накрепко вязали верёвкой у самых запястий.

– Больно! – вскрикнул Димка, пытаясь вырваться из захвата. – Я на вас жаловаться буду!

– Не шоволись, жалобщик, а не то жилу перетяну! – прорычал будочник, придавливая коленкой спину своей жертвы. – Вот сейчас капитан-исправник разберется, кто ты таков и с какой это горы к нам сюды сверзился!

Остальной путь к центру города «попаданец» шёл под конвоем грозного стража с туго связанными за спиной руками. Сзади них, на расстоянии пристроилась стайка весёлых мальчишек и даже несколько взрослых зевак. Видно, жизнь городка большим разнообразием не отличалась, а тут нате вам – хоть какое-то развлечение.

Центр города представлял из себя небольшую площадь, застроенную вокруг каменными домами. Некоторые из них были двухэтажными и имели парадные входы с широким крыльцом. Возле одного из больших домов стояла знакомая уже будка, с виду точная копия той, где только что повязали Димку. Возле неё стоял похожий как две капли воды на первого стражник. Одет в такой же, серый сермяжный мундир со стоячим красным воротником. В руке палка с топориком, и даже седые усы под широким красным носом были у них похожи. Только вот вместо руки у этого была культя и на морщинистом лице, на щеке виднелся кривой, длинный шрам.

– Чего это, кого там ведёшь, Василь? – крикнул он ещё издали конвоиру.

– Да вот, Федотыч, к капитану-исправнику на допрос бродячего, – ответил тот. – Бродит тут, понимаешь ли, весь изодранный, избитый, про власть чевой-то расспрашивает, слова ещё какие-то непонятные говорит. Шпынялся даже маненько. Но ты же меня давно знаешь, у меня ведь не забалуешь! Я его быстро на своём перекрёстке скрутил и сюда под конвой! У себя ли Фёдор Евграфович?

– Да где же им быть? – ответил тот будочник, которого только что называли Федотычем. – Отобедали они с земскими заседателями, отдохнули маненько, а сейчас вот у себя в кабинетах совет держат. Там спор какой-то по земле у Воскресенских заводчиков с башкирами идёт. Вот, значит, они с тяжбой-то и разбираются. Так-то оно уже вечереет вона, не знаю даже, будет ли им до твоего оборванца сейчас дело.

– Ага, ну ладно, тогда я его в холодную, что ли, пока закрою? – кивнул конвоир на Димку. – Пушай посидит, чё ли, там да и подумает маненько? Ну а как господа сами соизволят с ним разобраться, так и к себе тогда призовут. В какую же мне его камеру лучше закрыть?

– Да в крайнюю, в ту малую, что под лестницей, – пояснил Федотыч, – она как раз сейчас пустая. Пока не выяснили, кто он таков, пушай уж лучше в одиночестве посидит.

– Ну да и то верно, – согласился с доводами Федотыча конвоир. – А ключ у тебя ли?

– А где же ему быть? – пожал плечами инвалид. – Здеся он, со мной, на связке, – и отстегнул с пояса большое кольцо с висящими на ней ключами. – Я вот только перед обедом воду в две камеры давал. Остальные-то они все там пустые. На-ка вот, Василь, сам его туда заведёшь, – и, сняв с кольца, протянул один из ключей конвоиру. – Свеча на плошке в нише у лестницы. Ну ты и сам это знаешь.

– Да знаю, знаю, – кивнул тот и толкнул в спину парня. – Иди давай!

Камера, куда поместили Димку, была глухая, без мало-мальского окошка. Закрылась тяжёлая дверь, мелькнул просвет от свечи конвоира в щели, и звук его шагов пропал. Накатила такая же глухая темень, как тогда в пещере. Пошарив перед собой руками, он медленно обошёл вокруг всё помещение. Шага четыре, может, чуть больше в длину, около трёх в ширину. Колено ударилось о какое-то препятствие. На ощупь – деревянные, грубые, неструганные доски, поверх них брошена какая-то дерюга.

Это что-то типа постели – понял Димка и со вздохом залез на дощатый настил. Вымotalся он знатно, не смутили его вонь и жёсткость ложа, он закрыл глаза и провалился в глубокий, как омут, сон.

Сколько он тут проспал, было непонятно. Разбудил его какой-то стук. В приоткрывшейся со скрипом двери блеснул свет от свечи. В щель между стеной и дверью просунули деревянную бадейку и кувшин, накрытый горбушкой хлеба.

– Скажите, а сколько мне тут ещё быть?! – крикнул Димка, вскакивая с настила. – Чего я сделал-то такого, чтобы в тюрьме здесь сидеть?!

– Не велено тута разговаривать! – послышался грубый голос из-за двери. – Оправисься, бадью у двери сбоку так же вот оставишь. Смотри, горшок только не разбей, воду потом давать больше не буду!

Дверь хлопнула, послышался скрежет запора, и потом опять стало тихо.

Всё тело у Димки чесалось.

– Клопы, что ли, или вшей нахватался? – пробормотал он. – А почему нет, сколько уже, небось, человек до меня на этой вот дерюге лежало! – столкнул он рванину-подстилку на пол.

В животе урчало, и он побрёл к двери. Горбушку чёрствого хлеба умял за пару минут, запив водой из кувшина. Потом ощупал дверь, попрыгал на месте и поприседал согреваясь. Делать больше было нечего, и он опять забрался на дощатый настил.

Время текло мучительно медленно, Димка уже наизусть выучил расположение всей своей камеры, четыре шага в одну сторону, четыре в другую, рыскал он от двери к стене и обратно, как какой-то зверь.

«А так ведь и с ума можно сойти! – пришла в голову мысль. – Посидишь вот тут подольше в темноте, и того! Сначала сам с собой начнёшь разговаривать, а потом с дверью или кувшином. Брр! – передёрнул он плечами. – В июле, в самый жаркий месяц, тут так прохладно, а что же тогда здесь зимой будет?!»

Три раза ещё приоткрывалась дверь камеры. Неизменно оставлялся кувшин с водой и горбушка чёрного хлеба, забирался обратно пустой. На все вопросы Димки следовал неизменный ответ: «Не велено разговаривать!»

Отчаянье начало накатывать на парня. Рвануть на себя в следующий приход эту дверь, потом выскочить в коридор и дальше по лестнице на улицу, а там будь что будет! Чего же ещё ждать-то?!

На четвёртый раз дверь широко распахнулась и раздался знакомый уже голос стражника:

– Эй ты, собирайся, да быстро чтобы! Тама господа тебя в кабинетах ждут!

– Ну наконец-то! – проворчал Димка, выходя из камеры в коридор.

Щурясь от непривычного уже ему света, он зашёл в большую комнату. За длинным, накрытым зелёным сукном столом сидело трое. Ещё один примостился за небольшим столиком сбоку.

– Господин капитан-исправник, вот энтот бродячий, про которого вы давеча спрашивали, – конвоир поставил Димку посредине комнаты лицом к сидящим.

– Ага, вижу, оборванец какой-то! – нахмутив густые брови, пробасил самый важный из всех заседающих дядька. – Ну, рассказывай давай, да только чтобы без утайки, кто ты таков и как в нашем городе оказался?!

Димка уже давно обдумал, как себя нужно вести и что говорить. Скажи он правду, как, каким образом и откуда он здесь очутился, самое малое – это сочтут его за душевнобольного и поместят в какую-нибудь здешнюю богадельню под замок. А ведь могут и каким-нибудь бесноватым объявить. Кто же знает, что тут таким причитается? Костров вроде как в этом веке уже не было, да и не католическая инквизиция так-то в России выносила приговоры. Но в монастырский подвал его, наверное, вполне себе могут заточить. А оно ему вообще надо? Вот только что сам оттуда вышел.

– Господин капитан-исправник, прошу прощения, не знаю, правильно ли я к вам обращаюсь, – как можно более учтиво начал свою речь Димка. – Так уж получилось, что я вовсе про себя ничего не помню и полагаю, что это произошло оттого, что получил травму головы.

Ну, в смысле, что ударился ей сильно. О себе же могу сказать только то, что, как мне кажется, зовут меня Дмитрием. Сам я из православных. По-русски понимаю. Власть уважаю. Ну вот, в общем-то, пожалуй, и всё.

– Ах ты ж стерве-ец! – откинувшись на спинку кресла процедил самый важный дядька. – Глядите, господа заседатели, юродивым он хочет прикинуться, словеса словно бы паутину нам плетёт! Думаешь, мы тут дураки все перед тобой собрались?! А ну, говори правду, кто таков и откуда ты сам? Поговору видно, что не нашенский, ещё и грамотный, хотя, конечно же, дурной. Из каких краёв бежишь и куда? Может, ты и правда из бунтарей варшавских али из проворовавшихся приказчиков и сейчас в розыске за судом?! А ну, отвечай быстро, пока кнута тебе не выписал!

– Да я и правда ничего не помню! – воскликнул Димка. – Честное слово! Ну вы, если мне не верите, так хоть запросы там какие надо и куда надо пошлите. Ну это, с моим лицом для опознания. Вот вам и ответят, что никакой я не беглый и вовсе даже не бунтарь.

– Ну точно, юродивый, – усмехнулся дядька, сидящий с правого края. – Али он нас, Фёдор Евграфович, сам за таковых держит. Какое ещё там лицо? Мы чего тебе, дураку, из академиев столичных ещё и художника должны тут выписать для портрета?

– Ну нет, я так, просто к слову сказал, – пробормотал Димка, поняв, что ляпнул что-то не то.

– Обожди-ка, Порфирьевич, – остановил заседателя капитан-исправник. – А ты чего это, никак рисовальному делу обучен?

– Нуу, вообще, так-то нет, – пожал плечами Димка. – Припоминаю вот смутно, что вроде как немного рисовал раньше, ну уж не художественные, конечно, картины, а так, самые простые карикатуры, чтобы над ребятами подшутить.

– Интересно, – покачал головой исправник, – память у тебя какая-то странная, там, видишь ли, помню, а вот тут я ничего не помню. А ну-ка, Мироша, подай ему лист бумаги и карандаш, – кивнул он сидящему за боковым столиком человеку. – Пущай он вон хоть Порфирьевича, что ли, наскоро изобразит. А мы и поглядим.

Сидящий за боковым столиком мужичок в сером сюртуке, как видно, секретарь, угодливо улыбнулся, кивнул и подал Димке плотный лист бумаги с огрызком карандаша.

– Заточить бы его, – осмотрев огрызок, проговорил Димка, – или новый нужен. Тут вот на этом стержня почти что совсем уже не осталось.

– О как! – хмыкнул капитан-исправник. – Он ещё и в письменных приборах разбирается. Ну ладно, Мирон, дай ему хороший карандаш, не жмись!

– Только я это, я сразу предупреждаю, что не художник, изображение, оно больше, пожалуй, карикатурным, ну то есть шутейным получится, – предупредил Димка. – Чтобы уж потом обид ни у кого не было.

– Давай-давай, рисуй, – усмехнулся исправник. – Посмотрим, что у тебя там получится. Ну вот, Порфирьевич, когда ещё твою персону да на бумагу перенесут, – толкнул он локтем сидящего рядом с ним дядьку.

Дмитрий оглядел напрягшегося, покрасневшего и даже немного вспотевшего от волнения заседателя. Типичное лицо русского мужика средних лет. Широкое, курносое, щекастое, с маленькими глазками, над которыми кустятся густые чёрные брови. На голове ото лба и до макушки виднеется большая проплешина. Ну что, приступим! И «художник», примерившись, окинув ещё раз цепким взглядом «натуру», вывел на бумаге свой первый штрих.

– Долго ли ещё? – минут через десять спросил его исправник. – Ждать уже надоело. Как там у тебя, получается ли чего?

– Ещё немного, – покачал головой Димка, – быстрее тут ну вот никак невозможно.

– Мирон, а ну пойди погляди? – потребовал исправник, и секретарь, угодливо кивнув головой, выскочил из-за своего столика. Обойдя со спины Димку и выглянув из-за его плеча, он замер, потом громко фыркнул и, не выдержав, прикрывая свой рот ладошкой, захихикал.

– Ну давай, давай, чего там уже? Да заberi ты у него эту бумагу! – потребовал у секретаря капитан-исправник. – А ну, что там у нас? – взял он в руки Димкины художества.

– Да ведь не закончено ещё! – протянул огорченно парень.

Его слова заглушил громкий хохот. Смеялись в голос капитан-исправник и тот заседатель, что сидел от него с левой стороны. Хихикал секретарь. Даже стоящий у двери конвоир, глядя на веселье своего начальства, негромко посмеивался. Только лишь Порфирьевич сидел с надутым и обиженным лицом и с негодованьем рассматривал лежащий на столе карикатурный рисунок.

– Вот молодца! Ну, угодил! – вытирая выступившие из глаз слезы, проговорил, отсмеявшись, исправник. – Ну чего ты дуешься-то, похоже ведь? – толкнул он локтём обиженного «натурщика».

– И ничего непохоже! – с негодованием буркнул правый заседатель. – Эдак и я могу бумагу переводить, из него такой же художник, как вон из Василия господин офицер, – кивнул он на конвоира.

– Да похоже, похоже, – протянул тот заседатель, что сидел слева. – Правильно Фёдор Евграфович говорит, очень даже похоже. Смешно, конечно, но вылитый ты, Семён Порфирьевич, после долгой попойки.

– Ладно, чего же с тобой делать-то? – почесав голову, проговорил исправник, оглядывая внимательно Димку. – Врачу тебя показать, чтобы он свой вердикт вынес? Запрос в губернскую канцелярию обо всех беглых и пропавших сделать, только уж без рисунка, – хмыкнул он, убирая художество в кожаную папку. – Да по уездным спискам пробежаться за весь последний год, у нас ведь, помнится, тоже были и пропавшие, и те, кто от рекрутского набора убёг. Ну чего, господа заседатели, сами-то что скажете?

– Да пороть кнутом его нужно, чтобы он сам всё рассказал! – сквозь зубы зло проговорил Порфирьевич. – Бумагу на него ещё переводить, запросы в губернскую канцелярию слать. И так ведь неудовольствие там к нам имеется за прошлогодний недобор по рекрутской повинности. А тут вот мы им ещё одну заботу присылаем. Ищи им по всяким журналам вот этого, время своё на него трать!

– Выпороть-то его мы всегда успеем, – протянул задумчиво второй заседатель. – В чём Порфирьевич прав, так это в том, что нам на своём уезде пока бы разобраться во всем нужно. С городничим, с Алексеем Игнатьевичем надобно посоветоваться, испросить, чего он сам-то обо всём этом думает. Всё-таки он тут в уезде голова.

– Ну да, верно, пожалуй, так мы и поступим, – кивнул, соглашаясь с заседателями капитан-исправник. – Нечего нам губернские власти всякой мелочью тревожить. Ладно, Василий, веди-ка ты его обратно в подвал. Да пожалуй, посади в купеческую камеру. На злыдня он вроде не похож, чтобы его «в глухой» под лестницей держать.

– Есть, ваше благородие, закрыть в купеческую! – вытянулся по стойке смирно конвоир. – А ну пошли! – и легонько подтолкнул Димку к двери.

Глава 3. Рекрут

Купеческая по сравнению с прежней камерой была шикарная, если только это слово вообще можно было применить к тюремному узилищу. Просторная, с двумя нарами из хорошо подогнанных, оструганных досок и, самое главное, с зарешеченным окошком под самым потолком.

– С ужином покрывало принесу, а пока и так посидишь, – проворчал конвоир, закрывая за Димкой дверь.

– Красота, – пробормотал тот, обходя помещение. – Вот что значит сословное деление. Даже в тюрьме купцам лучше, чем простому люду сиделось. Боюсь даже представить, что там у господ дворян в их камерах.

Луч солнца из небольшого окошка падал на нары. Димка присел на них и, зажмурив глаза, подставил ему лицо.

– Боже, как приятно, – прошептал он в блаженстве. – Оказывается, как же немного нужно человеку для счастья.

На следующий день в сопровождении знакомого уже конвоира в камеру пожаловал невысокий, худенький, пожилой дядечка.

– Тут это, врач к тебе, – кивнул на него стражник. – Капитан-исправник повелел отвечать на все его вопросы безо всякой утайки и вести себя с подобающим почтением. Я туточки, Илья Павлович, рядом, у стены постою. Так-то вы не бойтесь, он не буйный.

– Очень хорошо, – улыбнулся врач. – Нуу, здравствуйте, голубчик. И как же мне вас звать-величать? Имя-то своё, я надеюсь, вы хорошо помните?

– Мне кажется, что меня зовут Дмитрием, – осторожно ответил арестант. – Увы, но больше я вам ничего о себе не могу сказать.

– Ну, ну, – хмыкнул врач, – очень интересно. И давно у вас такие вот провалы в памяти? Что вы вообще из своей жизни ещё, голубчик, припоминаете?

– Даже не знаю, – пожал плечами Димка. – Помню только, что под горой очнулся, как видно, после падения с камней. А потом уже на дорогу вышел, где башкир на лошади ехал. Вот он-то меня и подвёз до переправы через реку. Но что до этого было, я вообще ничего не припоминаю.

– Ага, ну давайте я вас осмотрю. Посвети-ка нам, милейший, – попросил он стоящего с большой толстой свечой в руках стражника. – Света мне тут маловато.

Следующие минут пятнадцать он тщательно ощупывал голову Димки. Заглядывал ему в глаза, в рот, заставлял высунуть язык. Водил пальцем возле носа, то отдаляя, то приближая его. Затем велел несколько раз присесть и потом стоять, вытянув перед собой руки с закрытыми глазами.

– Ндаа, очень интересно, – глубокомысленно пробормотал Илья Павлович, закончив, наконец-то, осмотр. – Выздоровливайте, Дмитрий, или как там вас звать на самом деле. Рекомендую вам сейчас больше покоя и сна.

– Да я как раз только этим тут и занимаюсь, – хмыкнул тот. – Здесь сейчас самое удачное место для этого.

– Ну да, действительно, – улыбнулся врач и кивнул стражнику. – Пойдемте, милейший, меня Фёдор Евграфович у себя ожидает.

– По пожару на Покровской улице, Алексей Игнатьевич, выяснилось, что начался он с дома сапожника Копылова Ивана, – докладывал городничему капитан-исправник. – Ванька, по свидетельству соседей, две недели уже был в запое и работой вовсе даже не занимался. Ну вот, видать, с перепою-то он и спалил свой дом. Ладно, если бы сам только сгорел, и поделом

бы пьянице, так ведь из-за чрезмерной тесноты застройки, сухого времени года и ветреного дня огонь с его избы перекинулся и на соседние. Вот оттого-то и выгорело их аж целых десять штук. По жертвам, всего их вышло девять душ. Сам Ванька, ещё один мужик, две бабы и пять ребятёнков самого разного возраста.

– Говорил я тебе, Фёдор Евграфович, что давно надобно нам свою пожарную команду во главе с брандмейстером создавать, – проворчал городничий. – Чай, уж не какая-нибудь захудалая деревня, а цельный уездный город у нас со своим гербом и правлением. А ежели бы дальше, на соседние улицы огонь перекинулся и там бы всё выгорело? Людишки-то – это ладно, но тут ведь и казённые склады рядом были, и та же соляная пристань. Коли погорело бы казённое, так губернатор бы нас точно с тобой по головке не погладил. Ревизоров устанешь после такого поить и привечать. По миру ведь с ними пойдёшь. Так что ты подумай, посчитай хорошенько, что нам для создания уездной пожарной службы здесь надобно. В Уфу запрос со всеми расчётами отправим, авось это дело и сдвинется с места.

– Понял я, Алексей Игнатьевич, займусь, – кивнул исправник. – Всё как-то руки у меня до этого не доходили. Ну, видно, и правда пора нам для городского благочиния собственную уездную службу огнеборцев создавать. Далее, по тяжбе башкир с заводчиками Пашковыми. За двадцать десятин земли по левому берегу реки Тор ближе к речке Нугуш Дарья Ивановна согласилась выплатить им пять сотен рублей и ещё поставить старшинам двадцать пудов муки. Жалобщики, как вы и сами знаете, требовали с неё гораздо больше, но ничего, сумели мы их уломать во время разбирательства. А вот это вам, – и подвинул стопочку бумажных ассигнаций городничему. – За наши волнения, так сказать, Алексей Игнатьевич, с благодарностью от госпожи Пашковой. Ну и последнее, по тому бродяге, который весь избитый к паромной переправе пришёл, помните, я вам намерен про него рассказывать?

– Помню, как же, – кивнул городничий. – Мне твой заседатель, Семён Порфирьевич, все уши про него прожужжал. Что, дескать, неблагонадёжный он и что нельзя у нас в городе таких оставлять.

– Да нет, это он с обиды за его художества, – отмахнулся исправник. – Я же вам показывал тот шутейный рисунок.

– Ну да, помню, – хмыкнул городничий. – Занятная вещица, умелец в этом деле оказался бродяга. Так и что, смогли вы про него чего-нибудь выяснить?

– Перебрали мы все те бумаги, что к нам из волостей за последние два года приходили, – ответил капитан-исправник. – И по всему выходит, что это Тимоха Гончаров с села Верхотор. О прошлом годе докладная от управляющих Верхоторского медеплавильного завода была, что рекрутскую повинность выпало отбывать сыну Гончарова Ивана, плавильщика руды. Там какая-то мутная история ещё была, вроде как не должны были ему в рекруты лоб забривать. Всё-таки ведь грамотный парень, два класса церковно-приходской школы закончил и ещё горное двуклассное училище при медеплавильном заводе. Видать, чего-то он там эдакое натворил, после чего решили его с глаз долой убрать. Ну вот волостное правление и выставило его в рекруты, а он потом по пути к нам в Стерлитамак взял да и сбёг. Видать, отсиживался где-то весь этот год, вон, хоть у тех же башкир или ещё где, ну а холода пережил и вылез потом летом. Может, он и правда памяти лишился, голову себе отбив, кто же его теперь знает. Врач, Илья Павлович, поглядел вчерась, так говорит, действительно сильные удары у него недавно по башке были. Так что вполне он может ничего про себя не помнить. А вот Димкой почему назвался, так имя это близкое по произношению, сильно уж оно похожее на своё родное. Дима – Тима, Тимофей, как бы тут всё очень созвучно. Это мне сам врач после осмотра пояснил, так-то выглядит вполне себе правдоподобно. Ну и грамотность эта его, умение карандашом пользоваться, тоже, получается, тогда вполне себе даже объяснима, всё-таки два класса школы и ещё два горного училища, это ведь такая большая редкость среди подлого сословия.

– Хм, смотри, как складно, – удивлённо покачал головой Алексей Игнатьевич. – А чего в докладной с волости про него там значилось? Похож ли вообще он по их описанию на нашего беглеца?

– В том-то и дело, что точь-в-точь, Алексей Игнатьевич, – воскликнул возбуждённо исправник. – Росту два аршина и семь вершков. Глаза серые, волос тёмно-русый, все, как и в докладной прописано. Сложением вот только он по бумаге отличается. Беглый-то Гончаров сам крепкий, а у нас этот шибко худоват.

– Ещё бы ему не быть худым, ежели он целый год неизвестно где скитался, – усмехнулся городничий. – Здесь, пожалуй, вся крепость сложения-то с голодухи истаёт. Так, так, так, очень интересно, – постучал он по столу пальцами. – В таких случаях положено поступать с беглыми сурово, коли совершили они какой проступок, так рвать им ноздри, бить кнутом и гнать на каторгу в Сибирь. А ежели они ничего не содеяли, то пороть нещадно и отправлять обратно на службу.

– Алексей Игнатьевич, да на что нам это? – тонко улыбнулся капитан-исправник. – С Верхоторских же за него под рекрутский набор всё одно другой, подменный человек уже пошёл. Ведь так?

– Ну да, как и положено, за беглого волостное общество другого выдало, – кивнул городничий. – Ещё и штрафные за такое дело выплатило. Ты это к чему, Фёдор Евграфович, ведёшь, никак измыслил чего?

– Да есть у меня тут одна мысль, – тихо ответил тот. – Ну, отпорем мы его примерно, порохом на запястье крест выжжем, чтобы все видели, что он склонен к безобразиям, и отправим на службу как беглого за самого себя. А нам-то с того что? У нас в уезде и так по новому рекрутскому набору троих сейчас на отдачу не хватает, опять один беглый да двое совсем хворые из забранных оказались. Таких на рекрутской станции точно после врачебного осмотра не примут и обратно отправят. Мы ещё и получим с вами за этот недогляд.

– Ну, так ты ближе к делу, Фёдор Евграфович, говори, – поторопил капитана-исправника городничий. – Какое предложение тут у тебя?

– А такое предложение, Алексей Игнатьевич, – прищурился исправник. – Больных-то и беглого всё равно заменять волостным сходам придётся. Так пусть этот наш «художник» и идёт кому-нибудь в замену. А этот сход пусть и выкупает по полной рекрутскую квитанцию. В наш, этого года набор приказано с двухсот пятидесяти душ одного в рекруты забирать. Уж найдут, небось, людишки, по пару рубликов каждый, чтобы только им самим с концами из родной деревни не уйти. Скинутся, только бы им не рисковать и рекрутский жребий не вытянуть. И нам с вами пять сотен серебром совсем даже не лишними будут.

– Интересно, интересно, – прищурившись, проговорил городничий. – Так-то оно всё складно, казна тут ничего не теряет. Людей сколько и положено в армию от нас идёт, уезд рекрутскую повинность выполняет исправно. Да и этого художника самое место туда пристроить. Ни к чему нам таких со странностями у себя в городе держать. Сначала они шутейный рисунок на уездного заседателя намалюют, а потом вдруг и на самого... – и он испуганно зажал ладошкой рот.

– Вот-вот, и я тоже так думаю, – покачал головой капитан-исправник. – В армии ему ведь там быстро укорот с его художествами сделают. Не до них ему будет. Команда для отправки в рекрутскую станцию у нас почти что уже набрана. Останется только двоих ещё в неё дополнить и соляным речным караваном отправлять всех в Уфу.

– Вот ты и займись этим, Фёдор Евграфович, – кивнул городничий. – А этого, «художника», ты пока что в подвале поддержи, дабы он лишнего никому глаза не мозолил. У помещика Винокурова пару недель назад сука борзая ошенилась, уж как я маялся, думал, у него пару кобельков себе взять, да вот, покамест в средствах сильно был стеснён. Ну так теперь можно

будет о том и серьёзно уже подумать. Давай-ка, мы, Фёдор Евграфович, с тобой за это дело, – и достал из шкафа штоф зелёного стекла с парой маленьких серебряных стаканчиков.

Через неделю к заскучавшему Димке какой-то сонный мужик с конвоиром занесли пару вёдер воды и тазик.

– Помылся чтобы, – проворчал хмурый служилый. – Оно бы и щелока, конечно, хватило, но господа повелели тебе и обмылок снести. И вот ещё мочало лыковое. Только ты это, шибко-то чтобы тут не плескался! Нечего сырость в подвале разводить, не баня ведь здесь, – и бросил на нары ворох одежды. – Переоденешься опосля помывки, а то в рванине этой словно какой варнак.

– Вода, чистая вода, целых два ведра, – восхитился Димка, наливая её в тазик.

Наконец-то можно было с себя всё смыть. Небольшой, буквально со спичечный коробок кусочек мыла пах каким-то дёгтем. Грубая лыковая мочалка скребла по коже словно наждачная бумага. Но какое же это было блаженство снимать с себя всю многодневную грязь! На чистое тело натянул длинную льняную рубаху, заправил её в порты, а вокруг пояса затянул верёвку, как у виденных возле пристани мужиков. Красота! А вот лапти ему надевать не хотелось. Лёгкие они, конечно, но с непривычки их носить ему было неудобно.

«Постираю-ка я лучше кроссовки, – решил Димка. – Буду пока в них ходить, а потом, как они совсем сносятся, что-нибудь и с обувкой, глядишь, придумаю».

Ужин в этот день был шикарным. В большом глиняном горшке гречневую кашу обильно сдобрили маслом, а сверху положили уже привычные два больших куска ржаного хлеба.

«Красота! А жизнь-то налаживается! – думал он, лёжа после трапезы на нарах. – Похоже, скоро отсюда совсем выпустят».

Небось, проверили по своим учётам, убедились, что никаких грехов за ним нет. Чего же его тогда тут долго держать? В столицу поеду. В этом времени Питер – самый главный город России. Тут, в этой серости, мне делать нечего, с тоски можно помереть, строил он далёкие планы. А уж там какая-никакая, а всё-таки жизнь. Глядишь, и в люди смогу в столице выбраться.

Подкатали сытная истома, и Дмитрий закрыл глаза.

– Всё старое тут оставь, – приказал Димке стражник. – Оставляй, оставляй, – кивнул он на нары. – Оно всё равно у тебя рваное и вонючее, небось, там вшей больше, чем у бродячего пса в шерсти. А чего ты лапти-то не надел? Придумал тоже – ноги ему, видишь ли, стирает лыко, – пожал он плечами, выслушав доводы арестанта. – Прямо как будто царских кровей! Ну ладно, носи пока свою обувь, а лапти всё же тоже в руки возьми. Господа прикажут, так всё одно и их натянешь. Пошли, пошли! – мотнул он головой в сторону двери. – Куды надо! Больно уж ты разговорчивый, как я погляжу, стал, как эту неделю в купеческой камере посидел. Вот говорил же, что не нужно было тебя баловать и из тёмной в неё переселять.

– Ну вот, хоть на человека стал похож! – оглядывая арестанта, протянул благодушно капитан-исправник. – Так, смотри сюда, беспамятный, мы по тебе все бумаги подняли, розыскные списки внимательно поглядели и всё ж таки нашли, кто ты таков на самом деле будешь. Так вот, зовут тебя, оказывается, Тимофей, Тима. По батюшке ты Иванович, а фамилия твоя Гончаров. Сам из крепостных горнозаводских крестьян помещицы Аграфены Ивановны Дурасовой. Приписан был к Верхоторскому медеплавильному заводу. Закончил два класса церковно-приходской школы при храме Казанской иконы Божией Матери, а потом ещё вдобавок два в горнозаводском училище науки постигал. Ну вот, радуйся теперь, Тимоха, считай, что нашёл ты сам себя сейчас. А то всё – Димка я, Димка. Так вот не Димка ты вовсе, а Тимка Гончаров. Так бы ведь и жил дальше в полном своём неведении.

– Спасибо вам, господин капитан-исправник, – учтиво поклонился уездному начальнику паренёк. – Вот и хорошо, что всё наконец-то разрешилось, ну всё, я уже свободен и теперь могу идти?

– Куда это? – усмехнулся капитан-исправник. – А ну-ка, Василий, выйди пока за дверь, только далёко от неё не отходи, скоро понадобится.

Конвоир вышел, а Фёдор Евграфович, поскрипывая жирно смазанными сапогами, подошёл ближе к арестанту.

– Ты, видать, и правда, совсем памяти лишился, так я тебе немного её освежу, – проговорил он, оглядывая с головы до ног парня. – Ты, Тимоха, попал по постановлению волостного схода в рекрутские списки и теперича вовсе даже не крепостной человек, а самый что ни на есть слуга государя императора. Но при всём этом ты ведь ещё и умудрился сбежать в прошлом году по пути в город. Думали все, что тебя уже медведь давно сожрал, леса-то ведь у нас вокруг глухие. А ты вон, оказывается, по горам в это время лазил да башкой своей дурной о камни бился. Но всё это совсем даже теперь не шутки, голуба, ибо совершил ты преступление не против соседа, а супротив всей нашей державы и против самого государя императора, благословенного и милостивого монарха Александра Павловича. А что ты сейчас на меня своими глазами хлопаешь? Ты есть государственный преступник, Тимоха, ибо вместо того, чтобы чинно следовать к месту своей службы, решил вдруг в бега удариться. А за это что бывает, смекаешь? А за это тебя положено сейчас сечь кнутом нещадно, рвать ноздри клещами и выжигать на лбу калёным железом клеймо как беглому преступнику. Потом заковывать в кандалы и отправлять по этапу через Уральские горы к дальним сибирским рудникам да на вечную каторгу. Дойдёшь ли ты до места, мне это неизвестно, слышал я, что половина арестантов по дорогедохнет, а ты вона какой сам худой. Ну а коли вдруг повезёт и всё же ты туда дойдёшь, то два, от силы три года кайлом помашешь, и всё равно тебя где-нибудь в шахте безо всякого отпевания потом заркоут. Ну так что, даём мы ход твоему делу, а, беглый?

Димка стоял словно ошарашенный. Все его надежды, все планы, мечты – всё одним разом рухнуло. Рассказать прямо сейчас, что никакой он не Гончаров Тимка, а человек из далёкого двадцать первого века и что попал сюда совершенно чудесным образом? Он поглядел в какие-то прозрачные, холодные глаза исправника. Ну да, такому вот Расскажи, для него жизнь какого-то крепостного всё равно что курёнка. Только того хоть сварить на суп можно, всё от него какая-то польза, а вот с ним что? Крикнет сейчас конвоира Василия, кинут его опять в «тёмную», а потом оформят как пойманного беглого. И кнутом действительно отмерят, и ноздри вырвут, и потом на каторгу босым погонят. А перед губернским начальством отчитаются, как они порядок в своём уезде железной рукой наводят. Неет, уж лучше в рекруты, чем в каторжане. И он, глубоко вздохнув, проговорил:

– Не надо давать ход делу, господин исправник. Что мне нужно делать?

– Вот это уже другой разговор, – улыбнулся тот. – Так бы сразу и сказал, а то всё выдумывает, идти ему куда-то надо, свободы он хочет. Васька! – позвал он конвоира, и тот влетел в комнату. – Отведёшь рекрута Тимоху Гончарова к соляной пристани. Там в полдень речной караван отходит на Уфу, и вся рекрутская партия с ним пойдёт. Найдёшь там на пристани урядника из табынских казаков Ерёмкина Елистрата и передашь вот этого ему. В списках у него он уже и так значится. Ну всё, давай, Тимофей, служи государю честно, верой и правдой. Бог даст, двадцать пять положенных лет выслужишь, и коли живой останешься, обратно к нам вернёшься. Будешь вон, как Васька, охранную службу в уезде нести, избенку какую-нибудь себе купишь, бабу вдовую найдёшь, ещё и детей настрогоаешь. Ладно, ступайте уже, у меня тут дел ещё много.

– Не робей, Тимоха, – подбадривал парня конвоир. – Я вон ещё при матушке-амператрице Екатерины Ляксеевне начинал служить, царствие ей небесное, потом при Павле Петровиче продолжил, ну и уже при его сыне, милостивом нашем государе Александре Павловиче

и теперяча вот, сейчас продолжаю. Живой вон до сих пор, как видишь. А ведь двадцать пять лет и ещё пять месяцев в армии прослужил. Даа, во Втором Оренбургском полевом батальоне с самих рекрутов, а потом как амператор Павел Петрович Уфимский мушкетёрский повелел создать, так в нём унтер-офицером ещё дослуживал. Всякое, конечно, за это время бывало, и с киргизами на степной Яицкой линии пришлось ратиться, и бунтарей гонять. После восстания Пугача ох и много же их в наших краях рыскало. Ранетый не один раз был, хворал, бывало, сильно, и ничего, как видишь, до сих пор ещё бодрый. Господу угодно будет, так и ты до моих лет доживёшь и в духовной, и в телесной крепости будешь. Хотя, конечно, солдату это ох и трудно. Жизнь служивого – она ведь, парень, такая, никогда не знаешь, как там и чего впереди выпадет. Совет могу тебе один дать: болтай меньше, Тимоха. Ты, я гляжу, грамотный, так вот от языка все наши беды, ляпнешь чего не то – капрал али унтер со свету сживёт. Я уж про господ офицеров даже и не говорю сейчас, тем до тебя особого дела никакого не будет. С младшими командирами, главное, поладь, исполняй все, что они велят, не перечь и грамотностью своей не кичись. Запомни, три года в полку со всем прилежанием отслужишь, товарищи и командиры тебя признают, потом все остальные года в уважении и в спокойствии будешь жить. А вот ершистых и взбалмошных солдатчина всё одно рано или поздно обломает или похоронит. И вот тебе ещё, – протянул он связанную толстой пеньковой верёвкой какую-то матерчатую скатку. – Кафтан тут сложен, возьми. Старенький он, конечно, заштопанный, ну да ничего, ладно, и такой пока на первое время пойдёт. Своя верхняя дерюжка-то у тебя вся на камнях изорвалась.

– Так лето же, дядя Василь? – спросил его Димка. – Мне после подвала сейчас и в одной рубахе жарко.

– Вот же дурной, – усмехнулся конвоир. – По воде пойдёте, меня потом вспомнишь и спасибо скажешь, бери, бери давай.

Соляная пристань была выстроена на берегу притока Белой, реки Ашкадар. Сюда к окраинам города подходил Оренбургский тракт, по которому в уездный Стерлитамак свозилась добытая из Илецка соль. До погрузки на баржи она хранилась в больших, выстроенных здесь же у реки складах, после чего отправлялась речными караванами до Уфы и далее.

На стоящие у причалов суда по накинутым мосткам сновала вереница грузчиков с рогожными мешками за плечами. Все тела их были сплошь усыпаны белым. На берегу сидело и лежало два десятка одетых в простое платье парней и мужиков. Рядом с ними стояло двое казаков с пиками в руках и саблями на боку. Тут же прохаживался и ещё один с длинноствольным ружьём.

– Эй, где тут урядник Ерёмкин?! – выкрикнул сопровождающий Димку конвоир.

– Ну я урядник, чего орёшь?! – от одного из больших бревенчатых складов отошёл молодой казак с вислыми седыми усами.

– От капитана-исправника Слепова Фёдора Евграфовича я. Велено вам в сдаточную партию вот этого рекрута доставить, – кивнул стражник на парня. – Гончарова Тимофея, он у вас в списке тоже должноон быть.

– Ещё кто бы читать этот список мог, – проворчал недовольно урядник. – Да помню я, помню, был про него разговор. А почему у него лоб не забрит, как у всех?

– А я почём знаю?! – пожал плечами конвоир. – Мне было сказано его к вам привести, вот и принимайте. Хотите, так сами ему брейте. Ладно, бывай, Тимофей, небось, уж не увидимся мы с тобой теперяча. Помогай тебе Бог, – кивнул он и пошёл от пристани обратно в город.

– И чего тут как журавель встал? Садись вона туда, вместе со всеми, – указал урядник ногой на сидящих. – Нечего маячить. И это, ты гляди, чтобы даже не думал у меня сбежать. Мигом пульну! – погладил он засунутый за ремень старинный пистоль.

Димка подошёл к рекрутам, пробормотал что-то типа «зрасьти» и развязал суконную скатку. Под голову подложил узелок с лаптями, а сам прилёг на разложенный на земле кафтан.

– Какой час уже здесь на солнце сидим, – пробормотал белобрысый паренёк с конопатым лицом. – И чего только на пристань так рано пригнали, сидели бы себе и дальше в сенном сарае. Эй, новенький! – тронул он за ногу Димку. – Почто так задержался? Мы уже неделю в городе тут без всякого дела торчим. Сам-то ты из каковских будешь? Меня вот Лёнькой зовут, из Петровской волости я, а тебя как?

– Дим... Тимофей, – приоткрыв глаза, ответил Димка. – Из Верхотора я, только что вот приехал.

– Ох ты, важная птица какая! – ухмыльнулся сидящий чуть дальше Лёньки рыжий крепкий молодец. – Приехал он! Тебя как барина на карете, что ли, в рекрутчину везли?

Среди сидящих послышалось фырканье, перешедшее затем в хохот.

– Эй, Барин, а ну, пряников дай, чего это у тебя там под головой запрятано?! – Рыжий подполз на коленях поближе к Димке и потянулся к лежащему под его головой узелку.

«Слабаком себя покажешь, подомнут», – мелькнуло у того в голове, и он, привстав, резко ударил кулаком по протянутой руке.

– Ах ты ж, сволота! – взревел Рыжий и дал с размаха Димке «леща».

– На! – лягнул тот в ответ ему в брюхо и вскочил на ноги.

Резкий толчок в спину свалил Димку на землю, а над головой послышались брань и угрозы.

– Присели все! Сели, я сказал! – орал урядник и хлестнул нагайкой гомонящего всех громче мужика в драной войлочной шапке. – Рыжий, небось, ты опять драку затеял?! Вот я тебя выпорю прямо здесь! И тебя! – пнул он ногой Димку. – Новенький, а уже в свару успел встрять! Сидеть всем тихо тут! А то каждого отхлещу! Недолго вам осталось, соль вон уже догружают, совсем скоро все на последнюю баржу пойдём!

Рекруты успокоились и расселись на берегу, так же как и раньше, по небольшим кучкам. Как видно, у многих здесь уже появились свои приятели, и им было о чём друг с другом говорить.

– Тимох, а у тебя что, и правда в узелке пряники? – шмыгнув носом, спросил Лёнька. – А я вот только лишь два раза их за всю жизнь пробовал. Когда Архип, старший брат, женился и когда ещё батюшка живой был. Он как-то раз их с ярмарки привозил.

– Да лапти там и пара горбушек хлеба, – сказал Димка, развязывая узелок. – Нет там никаких пряников, придумал всё Рыжий. На вот, держи, – и протянул одну горбушку пареньку.

– Ну вот, а я уж и правда ведь поверил, что там пряники, – вздохнул тот, отщипывая из середины мякушку. – Благодарствую, Тимош. Нам спозаранку только лишь кус хлеба с водой дали и потом сразу сюда на берег погнали. В животе от голода уже бурлит.

Глава 4. Уфимское депо

Небольшой речной караван из четырёх пузатых, тяжело гружённых барж медленно шёл вниз по течению Белой. На последнем судне помещалась вся рекрутская партия под охраной шести казаков из Табынской крепости. На первой же ночной стоянке урядник подозвал Гончарова Тимофея.

– К костру ближе подсаживайся! – приказал он парню. – Давай Устим, сбивай ему волосы, да поболее, чтобы издали голый лоб видно было, – кивнул он казаку, точившему брусом кинжал.

– Дяденьки, а может, не надо? – прошептал Димка, с испугом взирая на блестящее в свете костра лезвие.

– Не бойсь, паря, – усмехнулся казак, проверяя ногтём остроту клинка. – Я тебе волосы прежде водой смочу. Даже не царапну. А как же ты хотел? – приговаривал он, срезая чёлку. – Всем рекрутам ещё от царя Петра было велено лбы брить, а вдруг ты удрать надумаешь? А так каждый встречный издали видеть будет, что беглый человек это идёт и надобно властям о том донести. За укрывательство виновнику ведь вечная каторга полагается, а сельской общине разорительный штраф. Раньше-то ведь рекрутам не просто одни лбы брили, а ещё и на запястья «били крест». В крестовый надрез порох втирали, а потом перевязывали его до заживления. Волосы-то, они чего, они потом нарастут, а вот крест этот, он уже на всю жизнь. Не дёргайся! – крикнул он шевельнувшемуся было Димке. – А то и правда до самой кости кожу тебе срежу!

– О, гляди-ка, теперяча и наш Барин на всех остальных стал похож, – протянул насмешливо Рыжий при виде Димки.

– Не замай, – протянул взрослый угрюмый мужик, помешивая палкой в котле. – Ты бы, Фрол, уgomонился. Начнёшь опять тут бузу, от казаков точно все получим. Предупреждали ведь уже по-хорошему. Ну что, ребятки, снимайте варево, готова кашка, – махнул он рукой, и два парня подцепили палками ведёрный медный котёл.

Все два десятка рекрутов умудрились рассестись вокруг большой закопчённой посуды и теперь не спеша, чинно черпали разваренную пшеничную дроблёнку ложками. У Димки ещё с подвала был свой личный «инструмент», и он, оглядевшись, тоже присоединился к ужину.

Основная масса сидящих были молодыми парнями, но четверо из рекрутов оказались степенными, взрослыми мужиками. У каждого из них была своя печальная история, как он тут очутился. У каждого была впереди своя судьба.

– А нас с братом, как только сельский сход наметили по набору, матушка в баню сразу отправила и мыло, что после помыва покойника осталось, с собою нам обоим дала, – рассказывал невысокий темноволосый паренёк. – Так-то ведь верное это средство, а вот же, гляди, на меня всё-таки жребий идти выпал. А брательника пронесло.

– Ленивый ты Никитка, небось, мылся слабо, – подколот парня Фрол. – В темноте пропустил, видать, чего-нибудь.

– Что верно, то верно, мы все тут с такими вот обмылками в баню ходили, – проворчал дядька-кашевар. – Обычай-то, они у всех ведь на Руси едины. И кус каравая оставили под образами с прощального стола, дабы живым вернуться, и плакальщицы тоже у всех были. Словно поминки, эти проводы у меня были. Вам-то что, вы молодые, детей ещё не успели родить, а вот у меня их трое осталось.

– И у меня!

– А у меня двое, – откликнулись взрослые мужики. – Правильно Захар говорит, в рекручину – словно бы в могилу идти.

– Одна надежда, что через три года службы семью можно будет к себе в полк свезти, – подув на ложку, продолжил излагать кашевар. – Только ведь эти три года ещё как-то прожить

надо. Да и где этот полк вообще будет? И как всё устроить? Эээх, жизнь! – махнул он с досадой рукой.

– Да и нам так-то тоже несладко, – проворчал кто-то из молодых. – Осемнадцать, двадцать годков стукнуло, а четверть века прослужишь, и уже далеко за сорок будет. Какая уж там семья?!

– Ты доживи попробуй до энтих вот сорока, – вторил ему другой. – То одна, то другая война вона гремит. Даже и думать об энтот не хочется!

– Ну вот и не думай, не расстраивай народ, Антипка, – проворчал сидящий рядом с кашеваром степенный мужик. – Лучше ложкой чаще работай, а то Захар вон как старался, с душою варил крупу, маслица даже выменял у речников.

– Хороша кашка, – скребанув по дну котла, проговорил восхищенно Лёнька. – Солёная, дома-то едва ли щепотку в еду клали, а тут вон с баржи хоть горстями её ешь.

– Обопьёшься потом, – усмехнулся Дмитрий. – Много соли есть вредно, ноги отекают будут. А каша и правда ведь немного пересоленная.

– Да ладно?! – удивлённо вскинул белёсые брови паренёк. – А ты откуда знаешь про вред от соли? Много её есть, что ли, ранее довелось?

– Так он Барин же! – громко фыркнув, резко бросил Рыжий. – Дядька Захар, не понравилась твоя стряпня Тимохе. Солёная, видишь ли, она ему.

– Ну ничего, у каждого человека свой вкус, – пожал тот плечами. – Я и не обижаюсь. Ты, Тимофей, как котёл доскребёшь, так помой его опосля. Потом по очереди и все другие вот так же мыть будут.

– Ага, особенно кому солёным будет казаться, – хохотнул Фрол.

Димка поднёс большой медный котёл к самому срезу воды.

– Тяжёлый, – пробормотал он, опуская его на песок. – Килограммов двадцать, наверное, будет. И как его теперь очищать-то вообще?

Налив вовнутрь воду из реки, он начал медленно соскребать со стенок остатки крупы пальцами.

– Да кто же его так моет? Ну и неловкий ты, Тимоха! – вышедший на берег Лёнька деловито сорвал несколько больших лопухов и присел рядом. – Дай-ка его сюда, гляди! – И, зачерпнув мелкого песка, начал энергично орудовать внутри. – Вот так, вот так, вот так надо, – приговаривал он, работая. – Ещё лопуха мне нарви, стирается он тут быстро.

Димка метнулся к ближним кустам и вернулся с целой охапкой.

– Да куда же его столько-то? – хмыкнул Лёнька, выбрасывая старые, измочаленные листья. – Ладно, давай всё сюда. Тут долго возиться не нужно, засохнуть-то ничего ещё не успело, да и выскребли всё хорошо едоки. А вот постоял бы он до утра, тогда конечно, тогда бы уже с золой его пришлось оттирать.

Он перевернул посудину и зачистил от сажи всю наружную сторону.

– Станный ты, конечно, Тимка, не такой, как все, и правда, что ли, сам из бар? Держи давай, – и, сполоснув котел, протянул его товарищу.

– Спасибо, Лёнь, – поблагодарил тот помощника. – Просто как-то не приходилось мне раньше такие котлы в реке мыть.

– Ну-ну, – хмыкнул паренёк. – Ладно, пошли к остальным, а то казаки волноваться начнут, с них ведь строгий спрос, коли кто по дороге сбежит. Да и укладываться уже пора, я там веток наломал и потом травой их сверху застелил. Постель пышная будет, словно перина у бар, – и, хохотнув, хлопнул Димку по спине.

На шестой день пути соляной караван подошёл к большой губернской пристани города Уфа. На её брёвна спустили с бортов длинные мостки, и рекрутская партия сбежала по ним на берег.

– А ну, ровнее шагайте! – прикрикивали идущие сбоку казаки. – Как гурт овец бредёте. Ничего, скоро вас тут научат ногу тянуть и ровным строем ходить.

– Восемнадцать, девятнадцать, двадцать, – считал рекрутов по головам угрюмый военный в высоких сапогах, шляпе-треуголке и при шпаге. – Так-то всё сходится, урядник, только уж больно тощие они какие-то у тебя, – кивнул он на стоящего впереди Димку. – Вы чего, их по дороге совсем, что ли, не кормили?

– Да как же это можно, вашбродие? – угодливо улыбаясь, ответил Еремейкин. – Все пять положенных рублёв мы на их прокорм потратили, даже и свои три вдовесок вложили. Одно разоренье с этими рекрутскими конвоями! И на что нам только такая тягость?

– Ну ладно, ладно, урядник, ты меня тут не жалоби, – нахмурившись, процедил сквозь зубы военный. – Государево дело! Приказано было рекрутов отконвоировать, значит, и нечего тут скулить. Давайте в канцелярию ступайте, и я сейчас тоже туда подойду, распоряжусь, чтобы вам выдали всё причитающееся вознаграждение. После того можете обратно к себе в Стерлитамак возвращаться.

– Так, ну и чего тут мы словно на волостной ярмарке толчёмся?! – обратился он свой взгляд на рекрутов. – Ефрейтор, минуту времени вам даю, чтобы выстроить всё это стадо по ранжиру в две шеренги!

– Есть, ваше благородие! – откликнулся стоящий рядом с двумя солдатами немолодой служака, и вся троица бросилась рьяно сбивать толпу хоть в какое-то подобие строя.

Слышались возгласы и глухие удары. Димка получил кулаком по рёбрам и сам не заметил, как оказался примерно в середине первой шеренги. Пробегающий мимо солдат дёрнул его за плечо и, подтолкнув, переставил правее.

– Ещё на одного двигай, тетеря, – рявкнул он грозно. – Сам, что ли, не видишь, что ты его на целую пядь выше?!

Наконец все рекруты были выстроены по росту и с правого фланга встали два солдата. Ефрейтор пробежался вдоль шеренги, оглядел её ещё раз и потом, чеканя шаг, подошёл к начальству.

– Ваше благородие, все рекруты по вашему приказанию выстроены в две шеренги по ранжиру! Докладывает ефрейтор Панкратов!

Их благородие, выслушав его, милостиво кивнул, и ефрейтор пристроился чуть сзади и сбоку.

– Я заместитель начальника Уфимского рекрутского депо, капитан Кудинов Алексей Яковлевич, – положив руку на эфес шпаги, с важностью объявил военный. – А это тот, кто станет для вас начальником на всё то время, пока вы у нас будете готовиться к службе в полку, – кивнул он на стоящего рядом Панкратова. – Обращаться к нему вы будете «господин ефрейтор», только так и никак иначе. Отныне сей господин ефрейтор будет для вас одновременно и суровым командиром, и строгим учителем, и милостивым, справедливым отцом. За любое непослушание вы будете наказаны вначале им и его помощниками, а уже потом по силе своего проступка, возможно, что и начальниками более высокого ранга. И зарубите себе на носу, лапотники, тут вам не сельские посиделки, а самая что ни на есть государева служба, где должна быть воинская дисциплина и самый строгий порядок. И за любое её нарушение будет следовать неизбежное наказание. Мы из вас деревню тут быстро палками выбьем, станете такими же солдатами, как и все. Всем всё понятно?!

Строй вразнобой прогудел что-то невразумительное.

– Отвечать нужно: так точно, ваше благородие! – рявкнул недовольно капитан. – А ну-ка быстро повторить!

Рекруты невпопад, сбиваясь и путаясь, снова загомонили.

– Ефрейтор, гонять до посинения! – кивнул на строй недовольный Кудинов. – Чтобы я из своего кабинета их слышал. Потом шагистикой ещё займётесь. Два часа, нет, три, до самого ужина с плаца чтобы не отпускали. Приду, лично проверю, чему они у вас тут научились!

– Господин капитан милостив, – кивнув вслед удаляющемуся офицеру, прорычал ефрейтор. – Вообще можете забыть про ужин. Вы его пока что ещё не заслужили! Отсюда с плаца вообще до темноты сегодня у меня не уйдёте! А ну быстро все выровнялись в шеренгах! Выровнялись, я сказал!

И по взмаху его руки два солдата, схватив, как видно, специально лежащие тут же палки, побежали вдоль строя. Раздавая тычки и ударяя палками по ногам, они заставили людей подравняться и набрать нужную дистанцию.

– Солдат есть верный слуга престола и защитник его от врагов! – прокричал ефрейтор, обходя строй. – А как вы ему служить будете, когда даже стоять в строю правильно не можете?! Запомните, никак непозволительно в строю разговаривать, сморкаться, чесаться и толкаться. Стоять в строю нужно только лишь всегда смирно и ровно. Носки сапог должны быть на одной линии со всеми, словно по нитке. Пятки стоят вместе, руки расправлены и прижаты к телу. Ладони сжаты в кулаки, а живот втянут. Брюхо втяни! – ударил он кулаком стоящего перед ним коренастого парня. Тот, застонав, присел, и по его плечам ударили палки помощников ефрейтора. – Встал смирно, морда, встал, я сказал! – кричал в остервенении ефрейтор. – Сопли и слюни подобрал, рекрут, живот втянул, грудь вперёд, взгляд перед собой, рот закрыт! Это всех касается! – рывкнул он, оглядываясь вокруг. – Иначе всем палки!

Четверть часа, не меньше, продолжалась наука «правильного стояния в строю», и, удостоверившись, что все требования соблюдены, рекрутская партия перешла, наконец, к следующему уроку.

– Обращаться в армии ко всякому начальству солдат должен уважительно и с великим почтением, – поучал новобранцев ефрейтор Панкратов. – Ибо это начальство нам от самой что ни на есть вышней верховной власти каждому определено. К ефрейторам, унтер-офицерам и к фельдфебелю надобно обращаться с приставкой «господин». А вам, рекрутам, никакого чина пока что ещё и вовсе даже не имеющим, так вот, как я сказал, даже и к рядовым солдатам надобно обращаться. К обер-офицерам от прапорщика и до капитана положено обращение – «ваше благородие». А вот к тем господам, что в чине штаб-офицера состоят от майора и до самого полковника, положено обращение – «ваше высокоблагородие», ну а уж к господам генералам – так и вовсе «ваше превосходительство». Да вам-то, дуракам, это вовсе даже и не надобно знать. Вы-то, небось, этих генералов и вовсе даже не увидите, ну а если всё же и доведётся увидеть, то только лишь издали. Слишком много чести будет вам к ним обращаться. Так, ну чего ещё сказать? Ну вот, значит, на приветствие своего начальства вы должны будете хором и слитно отвечать «Здравия желаем». А когда оно вас вдруг благодарит, то кричите – «Рады стараться». При объявлении же какой-либо к вам, дуракам, милости положено отвечать: «Покорно благодарим». Эх вы, бестолковые, – ухмыльнулся он, оглядев рекрутов, – небось, в башке вообще даже ничего не отложилось? Сейчас вот проверим, – и подбоченившись, громко выкрикнул: – Здравствуйте, рекруты!

Строй молчал. Шевельнулось несколько человек и снова замерло. Димка стоял в шеренге, так же как и все остальные, молча и вытянувшись по швам.

– Я же говорил – лапотники деревенские, – сказал со вздохом ефрейтор, – всё время одно и то же. Пока с месяц палками не погоняешь, никакого толку не будет. Отвечать нужно, бестолковые, – «Здравие желаем, господин ефрейтор!» Сейчас вы повторять у меня это приветствие устанете! Кого вдруг увижу молчащего, тому сразу палки! Фёдор, Архип! – кивнул он солдатам. – Бейте дураков безо всякой жалости, пушай хоть через побои разума набираются, уж коли своего нет. Здравствуйте, рекруты! – гаркнул он вновь громко.

– Здравья желаем, господин ефрейтор! – загомонили вразнобой новобранцы под грозными взглядами солдат.

– Почему не хором опять?! – прокричал зло Панкратов. – Повторяем хоть до второго пришествия, чтобы у вас как на Пасху было дружно, когда батюшка Воскресение Христа славит! Здравствуйте, рекруты!

Целый час до хрипоты горланили приветствие два десятка вчерашних мужиков, получая удары палками.

Видно, и сам устав от однообразия этого занятия, ефрейтор, услышав, наконец, более-менее слитный отклик, махнул рукой.

– Ладно, на первый раз сойдёт, хотя, конечно, всё одно плохо. Сейчас начнёте строевыми экзерцициями заниматься. Та рука, в которой вы ложку держите, – это правая, а в какой краюха хлеба – она, стало быть, левая. Ну и под ними ноги точно такие же: правая, левая. Ребятки, объясните-ка вы каждому доходчиво – где у них левая, чтобы они никогда про это не забывали!

Солдаты пошли по шеренгам и пребольно хлестали палкой по левой ноге каждого.

– Ну, вот теперь уж точно не забудете, – ухмыльнулся ефрейтор, – на всю оставшуюся жизнь понимание останется. Где болит, там у вас левая, а где нет, выходит, что правая. Под счёт «раз» подняли прямую левую ногу, которая болит, и сделали шаг вперёд. Под счёт «два» шагнули небольшой правой. Руки при этом делают отмашку. Фёдор, Архип, а ну покажите, как нужно! – махнул он своим помощникам.

Два солдата, плечом к плечу, начали лихо отбивать подошвами сапог строевой шаг. Счёт им задавал сам ефрейтор:

– Раз, раз, раз-два-три! Раз, раз, раз-два-три!

– Вот как надо! Видали? – кивнул он на довольных собой рядовых. – Ничего, вот послушайте с наше, и тоже так же ладно будете ходить. Равняйся! По команде «равняйся» поворачиваем голову направо и видим грудь четвёртого в шеренге. По команде «смирно» голова смотрит прямо и вперёд, подбородок немного приподнят, спина ровная. Ровная, кому я сказал! – выкрикнул он. – А ну-ка дайте вон тому сутулому по хребту! – указал он пальцем на Антипа. – Чего, думал, коли во второй шеренге спрятался, так тебя, значит, и не видать вовсе?!

Послышалось ойканье, это один из солдат приложился от души своей палкой по спине немолодого уже дядьки.

– А ну-ка быстро все выпрямились! – рявкнул ефрейтор. – С левой ноги делай шаг – раз! Делай правой ногой шаг – два! Делай левой – раз! Делай правой – два! Балбесы! – крикнул он зло. – Словно снулые утки шагаете. Да кто же так вообще ходит?! Пока все свои лапти тут не излохматите, будете у меня здесь до посинения шагать! Всё равно вас не раньше чем к завтрашнему вечеру в казённое оденут и обуют!

Ещё больше двух часов гоняли стерлитамакскую рекрутскую партию по плацу депо. Мимо проходили строем одетые в серые единообразные мундиры колонны рекрутов. Глядели с интересом на новичков и под крики своего начальства скрывались в больших деревянных строениях. Всё тело прибывших сковывала усталость, ноги с непривычки гудели. Как видно, ефрейтор с солдатами тоже утомились, и, посовещавшись, Панкратов отправился к тому каменному строению, куда несколько часов назад ушёл господин капитан.

– Разрешаю стоять вольно! – милостиво проговорил один из оставшихся при рекрутах солдат. – Вольно, это когда одно колено чуть согнуто, а руки висят вдоль тулова свободно. И болтать при этой команде никак не позволительно! – повысил он голос. – Запомните, обалдуи, в строю болтать вообще даже не моги! Иначе самому разговорчивому палки, а всем остальным за то цельный час хождения строем причитается.

Появившийся через некоторое время ефрейтор пребывал в благостном расположении духа.

– Их благородия сказали нам самим с лапотниками далее заниматься, – объявил он важно солдатам. – Они изволят чай там откушивать, и им теперяча недосуг сюда идти. Архип, Фёдор, нам Алексей Яковлевич соблаговолили передать свою благосклонность и милостивое расположение. Вот, братцы, и ещё на один шагок я ближе к своему унтерству, ну а вы – к ефрейторскому чину стали.

– Рады стараться! – довольно улыбаясь, рявкнули солдаты хором.

– Так, ну что, лаадно, тогда слушай все меня! – повернулся он к замершему строю. – Значится, все те два десятка душ, что прибыли из Стерлитамакского уезда, приказом начальства депо определяются во вторую учебную роту, в третий взвод, второе отделение. Где командиром буду я сам, со своими помощниками, – кивнул он на стоящих рядом рядовых. – Сейчас вы идёте строем к месту ночлега, которое военным языком называется казармой, там оставите свои вещи и займёте под себя нары. А потом уже безо всякой задержки топаете строем в котловое хозяйство для принятия пищи. Опосля будет вечерняя переключка, и на этом сегодня всё. Завтра каждого из вас проверит доктор, потом вы пойдёте в помывочную и уже к вечеру получите причитающуюся вам форму рекрута. Вот тогда и начнётся ваша настоящая служба. А сейчас все взяли в руки свои узелки и торбы и построились в колонну по четверо! Разберите их там, братцы, – кивнул он солдатам. – А то они так и будут здесь толкаться, как бараны перед закрытыми воротами.

После нескольких минут сутолоки и тычков людей составили в небольшую колонну и повели в сторону виднеющихся барачного вида зданий.

– Раз, раз, левой, левой! – задавал счёт Панкратов. – В одну ногу все идём! Ну что ты с ними будешь делать! Вот ведь дубьё деревенское! Не строевой шаг, а одно издевательство!

– Научим, Никодим Ефимович, – успокоил ефрейтора один из солдат. – Ну чего уж тут, один неполный день ведь они у нас покамест. Пара месяцев пройдёт, и нестыдно их будет господам офицерам показать.

В полутёмном огромном помещении по бокам стояли ряды широких, сколоченных из толстых досок двухуровневых нар.

– Дальше, дальше идите, туда вон, в самый конец двигайте! – махали сидящие на них рекруты. – Во, гляди, робята, ещё новеньких к нам подогнали! Ну да, дотемна, так же как и нас, в первый день их тоже гоняли.

– Шевелись! А ну за мной ступай! Чего там замешкались?! – крикнул идущий впереди всех ефрейтор. – Вот отсель и досель – это место для ночного сна нашего отделения, – отсчитал он десять крайних в длинном правом ряду нар. – Тут, на месте всё своё положили, запомнили, кто где спит, и безо всякой задержки потом на выход пошли. Опять снаружи построились и строем на ужин маршируем. Три минуты времени вам тут осмотреться даю! – и, развернувшись, пошёл в сторону выхода.

Димка нырнул к нарам и бросил на неструганные доски свой узелок и старый кафтан.

– А вот мне наверху лучшнее, чем внизу будет! – с верхнего уровня склонилась вниз конопатая мордаха Лёньки. – Тута и чище, и начальство так не видит, как внизу.

– От начальства нигде теперь не спрячешься, – пробурчал Димка в ответ. – Ладно-ладно, спи, где нравится, ты, главное, мне на спину смотри не спрыгни, кузнечик. И чего это, так мы и будем спать на голых досках, словно в тюрьме? Ни матраса, ни подушки какой захудалой, – огляделся он вокруг. Хотя напротив через широкий проход было видно, что рекруты из «старичков» сидели на какой-то подстилушке.

– Стерлитамакские, а ну-ка быстро все на выход! – донёсся издали уже знакомый голос командира отделения. – Бегом, бегом, рохли! Кто замешкается, тот вместо ужина всю ночь на плацу будет стоять!

– А кто будет плохо стоять, тому палки! – проворчал негромко Димка, спеша к выходу.

Топая по утрамбованной многими сотнями ног земле, небольшая колонна прошла по плацу в сторону ворот и, немного не доходя до них, приняла вправо к низинке. Потом спустилась к похожему на большой деревенский амбар зданию и встала на месте по команде ефрейтора. Дальше, там, где поблёскивала река, виднелись ещё какие-то строения, а чуть в сторонке стояли широкие навесы. Около очагов-печей со встроенными в них большими котлами караулило варево два немолодых дядьки в поношенных солдатских мундирах. На изголодавшихся людей пахло дымком и съестным духом.

– Колонна, смирно стоять! – крикнул ефрейтор и подошёл к ближе к поварам.

– Чего, Никодимка, никак тебе сызнова отделение доверили? – спросил с усмешкой тот повар, что был моложе. – Опять же их вещи пропёшь и до рядовых потом снова скатишься.

– Да нет, Проша, он теперяча у нас цельный ефрейтор, на отделении много на выпивку не набираешь, – хохотнул тот, что был постарше, с пышными седыми усами.

– Ну, вы это, вы тут не очень-то шуткуйте! – выкрикнул покрасневший Панкратов. – Я тут как бы на службе и на начальственном месте как-никак состою! Повеление их благородия, господина капитана – новую партию рекрутов сытно накормить. Они только недавно, около обеда к нам с речного каравана пришли, а завтра у них осмотр у доктора. И вид им надобно весьма здоровый для того иметь.

– А чего, раньше нельзя было сказать, чтобы мы для вас побольше порциона оставили? – проворчал тот повар, что был с усами и, наступив на приставленную колоду, заглянул в котёл. – А ну-ка, Проша, черпак мне сюды подай! Да ладно, на пару десятков каши у меня точно найдётся, – пошерудив в котле поварёшкой на длинной ручке, наконец, пробормотал он. – Так, вода вон в колодах, бачки с ними рядом стоят, как только ополоснут их, пусть потом ко мне подходят.

– Ты, ты, ты и ты! – ефрейтор толкнул четверых из отделения в грудь. – Взяли бачки вон из той кучи, наскоро их помыли, и себя не забудьте заодно ополоснуть, а потом опосля бегом к поварам. Всем остальным мыть руки и морду вон в тех бадьях, – кивнул он на стоящие в ряд деревянные кадки. – После того садитесь на лавки под навесом и ждите. Вольно, разоидись!

Димка метнулся вслед за самыми шустрыми к колодам. Вода после жаркого дня была в них тёплая. Он черпал её ладонями, лил на голову, на шею. Глотал пересохшими губами живительную влагу.

Резкий удар по спине заставил его отпрыгнуть в сторону.

– Чего тут тебе, баня, что ли?! – помощник ефрейтора Архип угрожающе поднял палку. – Плещается он здесь! А ну, бегом к столу!

Парень, шипя и почёсывая спину, рванул к навесу.

– Сюда, Тимоха, сюда садись, – Лёнька пододвинулся на лавке, уступая место рядом с собой.

– Что, получил, Барин, по горбу? Намылся?! – хохотнул сидящий напротив Фрол. – Поделом тебе, чтобы в следующий раз не зевал.

Вскоре от поваров подошли четверо рекрутов с бачками.

– На кажную пятёрку предназначена сия посудина! – возвестил громко ефрейтор. – С завтрашнего утра и хлебный припас с сухарями вам будет полагаться, а пока и это ешьте. К молитве!

Все сидящие за столом встали и негромко зашептали молитву, полагающуюся перед вкушением пищи. Димка, вслушиваясь в речь товарищей, тоже шевелил губами, но её слов он наизусть не знал. «В этом времени так нельзя», – тукала в голове мысль. Нужно было как-то вращать в эту жизнь. Даже в, казалось бы, такой мелочи, как сейчас, нужны были особые знания, которых у него пока ещё не было. Ведь сколько уже раз он замечал во время пути, как шептали перед едой степенные мужики, казаки и парни. А сколько их ещё, таких вот мелочей, предстоит пропустить через себя, чтобы они стали для него привычными. А ведь для людей из

ХІХ века всё это далеко не мелочь, они действительно искренне верующие люди, просто для них это всё естественно, в отличие от него.

– К трапезе! – крикнул Панкратов, закончив молитву, и замелькали деревянные ложки.

Ячневая каша из дроблёного ячменя была холодной и скользкой, но кто же это сейчас замечал. Слышались только лишь громкое чавканье и стук ложек о медные стенки бачков. Начальство сидело отдельно, за дальним широким столом. У каждого там помимо каши в своей тарелке была ещё краюха ржаного хлеба и парящая горячим глиняная кружка.

– Заканчиваем ужин! – крикнул ефрейтор. – Бачковые моют свои посудины у кадок. Всем остальным оправиться и построиться. Ждите пока нас и чтобы тихо!

Стемнело. К ефрейтору с солдатами подсели повара, и все они, трапезничая, вели неспешную беседу.

Строй рекрутов стоял молча подле крайнего навеса. Слышались только сопение и негромкий шепот.

– Кашу-то они вон с хлебом жрут и не торопятся, а ещё и овсяным киселём ее, небось, запивают, – проворчал стоящий позади Димки Антип. – А мы вот свою в брюхо наскоком, словно воробьи, закинули, и теперяча даже не поймёшь, ели вообще али, может, и нет.

– Да ладно тебе, Антипушка, – сказал со вздохом Захар. – Хоть это дали, а то, слышал же, в самом начале вообще ведь не хотели ужином кормить.

От главного каменного здания донеслась барабанная дробь, и Панкратов нехотя встал со своего места.

– Пошли, ребятки, вон уже и вечернюю зарю отбивают, пора этих вон укладывать, да и самим идти опочивать.

Вернувшееся в казарму отделение рассыпалось по своим нарам, и сразу же с мест послышались негодующие возгласы. Димка увидел свой развязанный узелок и валяющийся внизу старый кафтан.

С верхнего яруса прыгнул Лёнька и зашарил в потёмках по земляному полу.

– Тимох, ты мою суму случаем не видал? – спросил он огорчённо. – Сумы на месте нет, а там ведь и полотно, и рубаха с портками новыми была, да много ещё чего мне маменька с собой положила.

– Нет, Лёнь, – покачал головой Димка. – У меня и у самого узелок вон развязан, да там так-то кроме лаптей и тряпки и брать ведь совсем нечего было.

В дальнем конце казармы у выхода мелькнул неяркий свет и раздался грозный начальственный окрик:

– Кому это там неймётся?! Сигнал отходить ко сну когда ещё был?! Если ещё хоть один крик услышу, вся рота на плац шагать выйдет!

– Емельян Назарович, господин унтер-офицер, да это новенькие там у себя шебаршатся! – послышалось из расположения рекрутов-«старичков». – А мы-то уже спим все давно! Не извольте гневаться!

– Эй, лапотные, а ну заткнитесь там, не то потом вам тёмную устроим! – раздались возгласы со всех концов казармы.

Полоска света приблизилась, и в центральном проходе выросла мощная фигура дежурного унтера. В руке он держал такую же масляную лампу, которую Димка уже видел ранее в уездном правлении. Язычок пламени колыхался, и световое пятно дергалось, освещая ряд нар и замерших на них людей. За унтером следовало ещё двое солдат с палками.

– Господин хороший, у меня тут добро пропало, – встав с лежанки, жалобно протянул Антип. – Ну как же это так, ведь из дому на проводах всё наложили!

– Какое такое добро, дурак?! – в негодовании выкликнул унтер. – Не слыхал разве приказ – ко сну всем отходить?! А ну-ка, быстро на выход пошёл! Берите его и наружу волоките! – кивнул он солдатам. Те подхватили мужика и, шпыняя его, потащили по срединному про-

ходу. – У кого тут ещё чего пропало?! – проговорил унтер с угрозой. – Всё своё нытьё и жалобы – это к отделенному командиру утром, а сейчас всем спать! Ещё раз кого услышу, точно всю роту на плац выгоню!

Унтер развернулся и потопал в ту сторону, куда только что утащили Антипа.

Казарма молчала. Димка повозился на жёстком ложе и накрылся кафтаном с головой. На душе было серо и тоскливо. Куда же он попал?!

Глава 5. Палки

– Подъём! Подъём, рота! – слышался громкий крик со стороны входа в казарму. – Бегом выходи строиться! Бегом! Бегом, я сказал!

Толпа в серых мундирах спешила по центральному проходу. В неё влилась и партия новичков в крестьянских кафтанах. Снаружи слышались звук барабана и громкие крики. Рекруты, выбежав из здания, тут же занимали свои места на плацу.

– Куда прёте?! – выкрикнул здоровенный унтер, отпихивая в сторону новичков. – Вон туда, в самый конец общего строя вставайте, там сейчас ваше место!

– Сюда, сюда, стерлитамакские! – махая руками, орал ефрейтор Панкратов. – Совсем, что ли, слепые? Не видите вовсе меня?!

Двое его заместителей быстро сортировали подбегающих по шеренгам.

– Стоять ровно, олухи! Чтобы начальству глазом не за что было зацепиться! – покрикивали солдаты, выравнивая строй.

На середину плаца вышел молодой паренёк, примерно такого же возраста, как и Димка, с тростью в руках. Одет он был в мундир тёмно-зелёного цвета, перехваченный у пояса широким ремнём, с нацепленной на него шпагой. Поверх ремня виднелся шарф с кистями, на голове чёрная шляпа.

– Равняйся! Смирно! – рявкнул от середины строя немолодой уса́тый военный и, подойдя церемониальным шагом к парню, вскинул руку к головному убору. – Господин прапорщик, учебные роты для утреннего рапорта построены! Докладывает старший фельдфебель Игнатьев.

Молодой офицер оглядел строй и крикнул звонким мальчишечьим голосом:

– Здравствуйте, рекруты!

– Здравья желаем, вашблагородье, – громогласно рявкнул строй в ответ. Даже отделение Панкратова умудрилось как-то не разрушить идиллию утреннего приветствия.

Прапорщик довольно улыбнулся.

– Молодцы, видать, хорошо вас вчера повара кормили, – изволил он пошутить.

– Рады стараться, вашблагородие, – грохнули в ответ учебные роты.

– Фельдфебель, что у нас там по распорядку? – спросил стоящего подле себя старшего унтера господин офицер. – Ладно-ладно, – махнул он рукой, даже не дослушав доклад, – давай-ка ты, братец, сам тут на месте распоряджайся. Проверку, развод на все работы и всякое прочее, что там положено. Потом уже ближе к обеду мне доложишься, что тут у вас да как, а я пока у себя буду.

И развернувшись, помахивая тростью, пошёл неторопливо в сторону кирпичного здания.

– Слушаюсь, ваше благородие, – козырнул ему вслед фельдфебель и, развернувшись к строю, поправил свою плоскую двубортную шляпу. – Распорядок дня на сегодня у нас следующий...

Отделение новобранцев стояло перед боковым крыльцом того самого каменного здания, где находилось начальство всего рекрутского депо. Время от времени дверь распахивалась, и ефрейтор Панкратов выкрикивал фамилии новобранцев.

– Блохин! – и из строя выбежал Лёнька. – Шапку тут, вот прямо у крыльца сымай, а заходя в комнату, докладывай громким голосом, кто ты есть таков, – поучал парня командир отделения. – Пошёл, пошёл, – подтолкнул он его в спину.

– Полночи на плацу на вытяжку стоял, до сих пор ещё ноги в коленях дрожат, – стоя в шеренге за спиной Димки, жаловался своему другу Захару Антип. – А перед этим ещё и палками били, аж спину ломит. Ох и злые же они здесь.

– Терпи, Антипушка, Бог терпел и нам терпеть велел, – успокаивал его Захар. – Мне урядник, что нас сюда рекой доставлял, сказывал, что такое завсегда и везде на рекрутских депо бывает. В самом-то полку оно уже там гораздо легче, пережить просто рекрутчину надо, именно так он и говорил. Особенно хорошо, ежели мы потом с тобой в нестроевые сумеем выйти. А здесь да, во всех учебных рекрутских командах всё нижнее начальство завсегда шибко зверствует, а господам офицерам, им ведь и дела никакого ни до чего нет, лишь бы видный порядок вокруг был. Перетерпеть нам это надобно.

Димка, стоя в шеренге, задумался, и его привёл в себя тычок палкой в бок.

– Ты чего это, глухая тетеря, на ногах, словно цапля, спишь?! – рявкнул подручный ефрейтора Фёдор. – Фамилия твоя как?!

– Калинин, – опешив, пробормотал Димка.

– Чегоо?! – протянул непонимающе солдат. – Какой такой Калинин? Ты чего же тут дурака из себя строишь?! Это тебя Гончаровым Тимофеем ведь звать?

– Ну да, так точно, он самый и есть, Гончаров я, – встряхнув головой, пробормотал опешивший Димка.

– А чего же ты, балда, Калинин-то тогда сейчас назвался? – проговорил солдат, выхватывая Димку из строя. – А ну-ка двигай быстро к господину ефрейтору, потом разберёмся!

– Гончаров Тимофей?! – крикнул из коридора Панкратов. – Почему так долго?! Бегом сюда, господин врач уже заждался!

Димка, подталкиваемый в спину солдатом, влетел в коридор и, перехваченный там ефрейтором, заскочил в приоткрытую дверь большой комнаты. За столом, спиной к окну сидел седой дядечка, а рядом с пером в руках, чернильницей и ворохом бумаг примостился, как видно, писец.

– Чего застыл, представься доктору, дурак! – зашипел Панкратов, тыча Димку в бок.

– Рекрут Гончаров Тимофей! – выкрикнул тот, глядя на медика.

– Ага, Гончаров, значит, – пробубнил тот. – Записывай, Егор, слух и голос у рекрута отменный, немоты нет. Сколько видишь пальцев? – И подняв руку, раскрыл полностью кисть.

– Так все пять, – пожал Димка плечами.

– Пиши, умом здрав, зрение хорошее, – кивнул писцу доктор. – А ну-ка теперь рубаху снимай, потом присядь пару раз, ну и повернись вокруг себя. После того подойдёшь вон к той стеночке, где выведены сажей отметки, и спиной к ним прислонись.

Димка выполнил всё то, что от него потребовали, и потом снова встал перед столом.

– А теперь рот пошире открой, – попросил его доктор. – Ну что, по росту он два аршина и около шести али даже семи вершков будет. С этим всё хорошо, горба у рекрута нет, руки и ноги у него целые, не чахоточный, водянки тоже не наблюдаю, передние зубы на месте. По всем требованиям нашего «Наставления врачам при наборе рекрутов находящимся» сей молодой человек для службы подходит, только уж больно он какой-то у вас худой.

– Откормим, Даниил Михайлович, – подобострастно глядя на врача, рявкнул Панкратов. – Не извольте беспокоиться, на казённых харчах и в непрестанных солдатских трудах, да ещё и на воздухе, он быстро у нас положенный вес наберёт.

– Ну-ну, – хмыкнул тот и махнул рукой писарю, – прописывай напротив евойной фамилии, Егорка, что он полностью годен к строевой службе безо всяких ограничений. А вот как же с Бородавкиным быть, тут я даже и не знаю. У него ведь трёх зубов спереди нет, как же он патрон скусывать будет. Ладно, это мы с господином капитаном решим, давай следующего заводите.

Ефрейтор толкнул Димку в коридор, и тот уже дальше сам выскочил на крыльцо.

– В строй встал! – рявкнул Фёдор, а из коридора уже выкрикивали новую фамилию: – Дрёмова Игната к врачу!

После врачебной проверки, где годными к службе признали всех, новобранцев погнали в ближайшую к депо общественную баню. В длинном бревенчатом здании было три помещения: предбанник с лавками, чтобы скинуть одежду, помывочная с широкими скамьями и небольшая парилка. Внутри бани было темно, душно и влажно.

– На всю помывку два десятка минут вам всем! – объявил Панкратов. – Так что особенно тут пара вы не ищите. Шайки в руки взяли, воду горячую из кадок налили в них, холодной разбавили, щёлока в кулак цапнули и быстрее грязь с себя снимать. Кто в парной долго сидеть будет, тот потом пот не успеет смыть. Небось, уж знаю, что сейчас говорю, не первый раз сюда команды гоняю.

Рекруты, скинув с себя одежду и расхватав деревянные тазики, забежали в большую помывочную комнату. Две масляные лампы, установленные в нишах стены, освещали мокрые тела мужиков, сидящих на длинных широких скамьях. Они плескались, натирали себя мочалкой с мыльным щёлоком (водным настоем из древесной золы) и ополаскивались сверху тёплой водой. Из парной выскочили несколько красных, распаренных парней и, похватав ковши, с хохотом и криками окатили себя холодной водой. Димка натирал тело старой лыковой мочалкой и аж постанывал от наслаждения. Скажи ему кто раньше, что он будет вот так балдеть от обычной горячей воды и вообще от непонятно какого мыла, он бы ни в жизни тому не поверил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.